

ЮЛИЯ
ГЕРМАН

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

Невинный

18+

ТРОФЕЙ БАНДИТА

СОВРЕМЕННЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Юлия Михайловна Герман
Невинный трофей бандита
Серия «Бандитская страсть», книга 1

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69596188

SelfPub; 2023

Аннотация

- Ты пришла сюда спасти папочку!?
- Да, – тихо выдохнула и замерла от страха.
- Пришло время произвести первый взнос по оплате сделки.
- Что? – непонимающе посмотрела на него.
- Вставай на колени!

Жизнь отца в опасности. Он перешел дорогу опасному бандиту, который держит весь город в страхе. Не задумываясь о последствиях, я обменяла свою жизнь на жизнь папы и теперь я в полной власти Монстра. Он может получить мое тело, но душу – никогда.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	22
Глава 4	29
Глава 5	34
Глава 6	40
Глава 7	45
Глава 8	50
Глава 9	57
Глава 10	63
Глава 11	68
Глава 12	74
Глава 13	80
Глава 14	86
Глава 15	90
Глава 16	97
Глава 17	104
Глава 18	109
Глава 19	114
Глава 20	120
Глава 21	126
Глава 22	133

Юлия Герман

Невинный трофей бандита

Пролог

– Что вы делаете? – вскочила на ноги, и, схватившись за спинку кресла, обежала его, выстроив между нами преграду.

– Трогаю тебя, – хмыкнул мужчина, прожигая меня тяжелым взглядом. Его темные глаза в полумраке казались черными, как и его душа. – Ты же за этим пришла.

– Я пришла, чтобы спасти отца! – он обошел кресло, и меня затрясло от осознания, что я наедине в комнате с этим чудовищем. Что он собрался со мной сделать? – Вы сказали, что если я приду, вы оставите его в покое.

– Верно, милая, – усмехнулся, наступая на меня, словно хищник. По лицу видела, как его забавляли мои жалкие попытки спастись. – Поэтому я буду тебя трогать как захочу, где захочу, – он приближался, а я пятилась назад, все еще надеясь, что с ним можно будет как-то договориться, – и когда захочу!

В один шаг он сократил между нами расстояние, прижимая меня к стене. Терпкий мужской запах наполнил воздух вокруг. Он вжался в меня всем телом. Я чувствовала твер-

дые мышцы под дорогим костюмом и понимала, насколько он сильный, и мне точно с ним не справиться.

– Так что, Голубка! Хочешь стать голубем мира, подчиняйся. Ты же хочешь спасти папочку?

Оперся одной рукой о стену возле моей головы, а второй взял за подбородок, приподнимая на себя. От места прикосновения его пальцев кожу пронзил электрический разряд. Дернулась, пытаясь избавиться от ненужного касания, но он силой заставил снова посмотреть на себя.

– Я не услышал ответ, – дотронулся большим пальцем до нижней губы, нажимая и вызывая боль.

– Да. Для этого я здесь, – пыталась храбриться, но голос дрожал.

Этот мужчина пугал меня до дрожи. Таких темных хищных глаз никогда не видела ни у одного из людей. В свете полумрака, из-под широких темных бровей, виднелся лишь хищный блеск. И этот шрам через правую скулу, кричащий о его опасности, отталкивал. Плевать мне, что женщины считали его красивым и сами ковром стелились перед ним. У меня же от него мороз по коже и аритмия.

Сейчас он смотрел на меня с каким-то диким, животным голодом, от чего позвоночник покрылся липкими каплями пота и захотелось спрятаться от него где-то на другом конце вселенной. Но если я сбегу, кто вытащит отца из этой передраги?

– Тогда тебе придется смириться с тем, что теперь я пол-

ностью распоряжаюсь твоей жизнью. И ты будешь выполнять все, что я захочу. Одно неповиновение, и отвечать придется твоему отцу.

Тяжело сглотнула, ощутив, как пересохло во рту.

– Ты поняла это, Ева?

– Я выполню любую работу, какую скажете. Только папу не трогайте, – наивно надеялась достучаться до монстра.

– Работу? – усмехнулся, обнажая белоснежные зубы, казавшиеся неестественно белыми на фоне черной щетины и смуглой кожи. – Разве такая нежная кожа, – схватил мои руки, поднимая над головой. Скрестил их и прижал широкой ладонью к стене. – Бывает у рук, что привыкли к работе?

Его лицо так близко к моему, что я чувствовала его дыхание.

– Нет, Голубка! Но я найду для них применение, – вжался в меня бедрами, и я ощутила твердость под его брюками, упирающуюся в живот. Вспыхнула, осознав, что это мужское желание, и он, этот человек из Ада, дает мне четко понять, что не для разговоров я здесь и не для уборки или любой другой лакейской службы. У него на меня конкретные планы. Почему-то от этой мысли стало жарко.

– Что вы хотите? – провела языком по пересохшим губам.

Мужчина проследил за движением языка, и мне показалось, что его глаза еще сильнее потемнели.

– Хочу сделать тебя своей шлюхой, – слова прозвучали как пощечина.

Горячая ладонь легла на бедро. Задрал платье вверх и добрался до ягодиц, поглаживая. Шершавая кожа царапала, и по телу пробежали мурашки. Мужчина сжал ягодицу и толкнул на себя, сильнее вжимая в пах.

– Ты будешь раздвигать ноги передо мной в любое время суток и подставлять другие отверстия по одному требованию.

Где-то в глубине души я хотела верить, что этот самый опасный человек в городе хотел не только мое тело, но прежде всего мою душу. Все мы, девушки, такие. Пытаемся найти романтику даже в самой безвыходной, самой жуткой ситуации. Вот только теперь придется принять жестокую реальность, проглотив горькую пилюлю правды. Я продала свое тело в рабство к самому жестокому мужчине в городе за спасение единственного близкого мне человека.

– Но... – пыталась что-то возразить, чувствовала, как по щекам текут слезы.

– Рот будешь открывать, когда я скажу! – рявкнул, обхватив щеки пальцами, изучая мое лицо.

Мужчина придвинул лицо ещё ближе. Зажмурилась, опасаясь того, что последует дальше. Коснулся языком моей щеки. У меня перехватило дыхание. Он слизал соленые капли с моих щек. Сердце бешено колотилось от страха и, казалось, застряло где-то в горле.

– Открой глаза, – приказал, и я, не смея послушаться, распахнула веки.

– Ты пришла сюда спасти папочку!?

– Да, – тихо выдохнула и замерла от страха.

– Пришло время произвести первый взнос по оплате сделки.

– Что? – непонимающе смотрела на него.

– Вставай на колени! – рукой надавил мне на плечо, и я услышала звон пряжки ремня.

Глава 1

– Я вернулась, – радостно крикнула, открывая дверь.

В квартире стояла неестественная тишина, будто и нет никого дома.

Повесив ключи на крючок, скинула ботинки и, не снимая пальто, вбежала в квартиру.

– Пап, я дома!

Мне не нравилась это безмолвие, и вообще, когда такое было, чтобы он не приехал за мной или не прислал водителя. А сегодня папа не просто забыл встретить меня, но и не отвечал на звонки. Дурное предчувствие засело под рёбрами, и, подавляя его, пыталась найти рациональное объяснение происходящему.

Достала телефон, набирая номер папиной приемной.

– Приемная мэра, – проговорил уставший голос секретарши.

– Ирина Алексеевна, добрый день!

– Здравствуй, Евочка! – сразу же взбодрился голос женщины.

– Папа, так понимаю, еще в офисе?

– Да, Евочка. Он еще задержится.

– Надолго, не знаете? – мигом упало настроение. Все же мы не виделись несколько месяцев.

– Важные переговоры, сложно предугадать, – ответила

она, понизив голос.

– Поняла, спасибо.

– Так что не жди его к ужину. И с приездом!

– Спасибо, Ириночка Алексеевна.

Села на диван, думая, чем себя занять. Но находиться одной в квартире после смерти мамы по-прежнему не научилась. Да и по папе соскучилась так, что слезы наворачивались от тоски по родному человеку. Недолго думая, вызвала такси и поехала до администрации.

Город уже окутала темнота. Множество огней освещали серые ноябрьские улицы. Родной город не мог порадовать такой же богатой иллюминацией, как в столице, где каждый день похож на праздник. Но если сравнивать то, что было вокруг пять лет назад, и то, каким стал город за время папиного управления, разница колоссальная.

Только за три последних года было построено три новых и реконструировано шесть старых парков. Яркие огни и разноцветная подсветка не только в зонах отдыха, но и вдоль проезжей части. Даже деревья стали частью световых инсталляций. Новые районы, большие торговые центры, обновленные школы и дома творчества, город преображался на глазах. И я чувствовала гордость за то, что человек, давший мне жизнь, способствовал расцвету города, начавшему загибаться во время правления прошлого мэра.

Такси затормозило возле красно-коричневого четырехэтажного здания мэрии. Взбежала по ступенькам, толкая тя-

желую дверь. Уже представляла, как обрадуется папа, увидев меня. Будет для него настоящий сюрприз! Подошла к проходной и замерла.

– Куда? – из-под хмурых бровей на меня смотрели холодные серые глаза бритоголового мужчины в деловом черном костюме и рацией на груди. С другой стороны металлоискателя стоял точно такой же охранник. И на лицо они даже казались идентичными, слишком пристальными и безжизненными казались их глаза.

– К Андрею Васильевичу, – растерянно смотрела на мужчин.

– По какому вопросу? – пробасил он, вгоняя меня в еще большую оторопь.

– По личному. Дочь его.

Не выражая никаких эмоций, мужчина поднял рацию ко рту, нажимая на кнопку:

– Тут дочка мэра, – говорил, не выпуская меня из поля зрения, чем заставил жутко нервничать.

Да и странными казались эти новые ребята из охраны. Ни сине-серой камуфляжной формы с нашивкой “охрана” огромными буквами на груди и спине. Ни берцев на ногах. Да вообще, обычно ребята, охраняющие администрацию, были каким-то живыми, что ли. Улыбались, травили между собой анекдоты, а эти двое словно роботы с двумя режимами: охранять и убивать.

– Имя, – послышалось в рации после короткого шипящего

звука.

– Зовут как? – рявкнул на меня амбал.

– Ева Андреевна Анисимова, – ответила, все больше ощущая тревогу.

– Ева Андреевна Анисимова, – повторил в рацию.

Второй же мужчина все это время сканировал меня пристальным взглядом. И мне пришлось применить всю свою выдержку, чтобы не начать руками скидывать с себя его скользкий взор, ощущающавшийся ползающими жуками.

– Пропускай, – ответили в рации.

– Иди, – великодушно махнул головой страшный человек.

Не дожидаясь, когда мне скажут дважды, миновала лифт, взбежав вверх по лестнице. Я не помнила, когда в администрации было бы так тихо. Только стук моих каблуков разносился по пустым, безжизненным коридорам, убегая в глубину здания. Под ребрами скреблось дурное предчувствие, то самое, что я уловила дома, но десятикратно возросшее. Пройшла к главному холлу с красивым зеленым уголком и кожаными диванами, стоящими вдоль стен, мимо зала заседаний, свернув к папиной приемной, и замедлилась, с опаской поглядывая на людей в таких же черных костюмах, как те двое внизу. Обычно охрана не дежурила на этаже, да еще в таком количестве. Двое мужчин стояли у входа в приемную, один дежурил у папиной двери и еще один развалился за столом секретаря, с усмешкой поглядывая на меня.

– Здравствуйте, – осторожно поздоровалась с брюнетом в

кресле, смотрящим на меня оценивающим взглядом. – А где Ирина Алексеевна? – этот вопрос выскочил самым первым. Ведь я полчаса назад разговаривала с ней по телефону, и она находилась на работе.

Брюнет проигнорировал меня, кивнув на дверь папиного кабинета.

– Проходи, – сказал так, что даже не могло возникнуть желания послушаться.

Стоявший у двери мужчина распахнул ее для меня, впуская к папе. На негнущихся ногах прошла в кабинет, совершенно теряясь в догадках, что здесь происходит, и вросла каблуками в пол.

Папа сидел за столом взъерошенный, с каким-то загнанным видом. Напротив него, спиной ко мне, расположился коротко стриженный темноволосый мужчина в костюме.

– Ева! – испуганно проговорил папа. – Что ты тут делаешь?

– Сюрприз... – получилось вяло и смазано, потому что папин собеседник повернулся ко мне лицом, и во рту пересохло лишь от одного взгляда брошенного на мужчину.

Черные как ночь глаза встретились с моими, и я замерла словно кролик, загнанный волком. Тяжелый, испытующий взгляд прошелся по мне с ног до головы, заставляя пожить от дискомфорта. Инстинктивно хотелось закрыться от него. Ничего доброго не стоило ожидать от человека с таким пугающим взором, словно это не человек, а хищник,

опасный хищник, приметивший добычу. И еще этот уродливый шрам на скуле. Впервые видела мужчину, а кожу осыпало мурашками страха, будто уже знала, эта встреча не принесет добра. Поняла, что не должна здесь находиться. Но поздно. Я уже попала в поле зрения зверя.

– Ну, здравствуй, Ева – дочка мэра, – изогнулись его губы в порочной усмешке, обещавшей мне, что я пожалею о своем решении сделать сюрприз папе.

Глава 2

Смотрю на совершенно незнакомого человека и не могу пошевелиться. Кажется, стоит сделать шаг, и он набросится на меня как хищник. Сердце бешено грохочет в груди, а во рту пересохло. Вся эта ситуация неправильная, здесь происходит что-то, от чего у меня кровь стынет в жилах, и причина этому сидит прямо передо мной и хищно улыбается.

– Ева, – вырвал меня из размышлений папин голос. – Пожалуйста, езжай домой! – встал из-за стола.

В этот момент незнакомец посмотрел в его сторону, и папа сел обратно на свое место.

– Зачем же дочку гонишь в темноту одну, Андрей Васильевич, м? – снова посмотрел на меня, вызывая дрожь в теле. – Опасно таких красивых дочек одних выпускать из дома, тем более по ночам. Не боишься за дочь, мэр?

Одарил папу таким тяжелым взглядом, что у отца выступили капельки пота на лбу.

– Давайте решим вопрос между собой, не впутывая в эту мою семью, – взял себя в руки папа, проговорив это таким тоном, с каким привык отчитывать своих подчиненных.

– Между собой, говоришь? – усмехнулся незнакомец. – Так все от тебя зависит, – задержал на мне взор.

Ощутила дурноту. От вихря возникнувших мыслей закру-

жилась голова. Боже, что он хотел от папы? И что я натворила своим появлением?

– Давайте отпустим Еву и все обсудим, – застегнул пиджак на груди мэр, убирая со лба выбившуюся прядь. Расправил плечи и не отводил взгляда от собеседника, казалось, в нем словно открылось второе дыхание.

– Точно отпустим? – прищурился, пугающий незнакомец. – Жаль расставаться с такой компанией.

– Иначе разговора не будет! – выставил ультиматум. И снова услышала твердость в папином голосе, понимая, он все решит, со всем разберется. Это ведь папа, по-другому быть не может.

– Тогда... – поднялся на ноги мужчина, застегивая пуговицу на коричневом пиджаке и приближаясь ко мне.

На меня накатила паника. Пыталась рассмотреть за широкой спиной мужчины отца, но казалось, что незнакомец заполнил собой все пространство. Высокий, словно скала, возвысился надо мной. Вблизи он пугал еще сильнее. Кажется, я даже задержала дыхание, наблюдая за его темным взглядом. Сейчас смогла разглядеть и высокие скулы со шрамом, прямой нос, красивые, словно высеченные из камня губы, но этот взгляд. Не мог человек с такими глазами быть порядочным и добрым. В них плескалась бездна, готовая утащить на дно любого, кто перейдет дорогу.

– Что вы себе позволяете! – вспыхнул папа, вскакивая с кресла.

– Всего лишь прощаюсь с вашей дочкой, – криво улыбнулся мужчина, даже не взглянув на отца.

Протянул ко мне руку, дожидаясь, когда я положу свою ладонь в его.

Понимала, что лучше уже сделать так, как хочет этот человек, и покинуть кабинет, не создавая лишних проблем отцу. Положила руку в широкую мужскую ладонь. Сердце загнулось на мгновение и побежало галопом, когда мягкие горячие губы коснулись моих пальцев.

– До новых встреч, Ева Андреевна, – пристально смотрел мне в глаза, и казалось, я видела в них обещание. Он явно решил встретиться вновь.

– До свидания, – шумно выдохнула, желая провалиться сквозь землю от его внимания.

Мужчина не торопился отпускать меня. Гладил большим пальцем костяшки и тыльную сторону ладони. От его прикосновений в животе что-то сжималось. Он беззастенчиво рассматривал меня, словно решая для себя что-то, и казалось, будто пауза затянулась.

– Всего хорошего, – осторожно выдернула руку. – Папа, я тебя жду, – выглянула из-за незнакомца, убедившись, что родитель в порядке.

Мужчина же, засунув руки в карманы брюк, все это время не сводил с меня темных глаз, вызывая дискомфорт. Повернулась к нему спиной, ощущая, как его взор жжет между лопаток и скользит вниз. Лишний раз порадовалась тому, что

пальто свободного кроя и скрывает фигуру от посторонних глаз. Распахнула дверь, вывалившись из кабинета, и стрелой полетела к лестнице, сбегая вниз и не смотря на лысых головорезов, а это именно головорезы, теперь я не сомневалась, иначе почему папа был так напуган из-за моего появления, выскочила в ноябрьскую ночь. Отошла чуть в сторону от администрации, и только теперь выдохнула клубом пара.

Оказывается, все то время, что я провела в папином кабинете, я боялась нормально дышать. Но и теперь оказалась вдалеке от пугающего незнакомца, а волнение не отпускало. Меня трясло мелкой дрожью и зуб на зуб не попадал. Ходила из стороны в сторону, не зная, как быть и как помочь отцу. Нельзя его оставлять один на один с этими людьми.

Достала телефон, выбирая нужный абонент.

– Слушаю, Ева Андреевна, – ответил начальник папиной охраны.

– Вячеслав Анатольевич, здравствуйте! Вы сегодня не с папой?

– Он отпустил меня пораньше, – пробасил мужчина. – Что-то случилось?

Я увидела какое-то движение за стеклянными дверями администрации.

– Я перезвоню, – сбросила вызов, отойдя в тень растущей ели, внимательно следя за выходом из здания.

Сначала наружу вышел тот брюнет, что так нахально расположился в приемной на месте секретаря. Следом за ним

мужчина, дежуривший возле кабинета. Они просканировали местность, и брюнет проговорил что-то в наушник. К зданию подъехали два черных джипа. И только после этого из администрации появились остальные участники этих странных переговоров. Окруженный четырьмя амбалами, по крыльцу вышагивал тот самый жуткий незнакомец. Вся их компания спустилась по ступенькам.

Брюнет с наушником распахнул пассажирскую дверь для босса. Расстегивая пуговицу пиджака, незнакомец внезапно посмотрел в мою сторону. У меня сердце ухнуло вниз, когда наши взгляды встретились. Несколько мгновений он просто смотрел на меня, а затем, усмехнувшись, сел в машину.

Кровь шумела в ушах. Лишь проводив взглядом их кортеж, услышала, как меня зовут по имени.

– Ева, – уставший голос папы, вырвал из размышлений. – Поехали домой, дочка, – спустился вниз.

– Кто это был? – смотрела в сторону скрывшихся автомобилей.

– Никто, – хмуро проговорил он, – чье бы имя тебе следовало запоминать. С приездом, солнышко! – сменил тему и притянул к себе, поцеловав в лоб. – Поехали ужинать, – устало улыбнулся он.

– С тобой все хорошо?

Никак не могла забыть сцену, свидетельницей которой стала в кабинете.

– Теперь, когда моя девочка дома, все просто замечатель-

но, – обнял за плечи, направляясь к машине.

– Почему без шапки?

– Па-а-п!

– Я так скучал!

– И я, пап! Даже не представляешь как! – но что бы ни говорил отец, я никак не могла избавиться от ощущения надвигающейся беды. И оно лишь усиливалось в груди. И причиной этому станет мужчина с дьявольскими глазами.

Глава 3

– Анисимова, ты почему не сказала, что приедешь в город? – кричала в трубку Настя.

– Хотела сюрприз устроить, – поморщилась, вспомнив, как накануне уже порадовала папу. – Вчера приехала, – наблюдала в окно за пролетающими редкими снежинками.

– Надо срочно увидеться! У меня столько новостей, не представляешь! – тараторила бывшая одноклассница.

– Я с папой хотела побыть. Все же на несколько дней всего прилетела.

– И что? Побудешь с папой днем, а вечером со мной и девчонками в клуб.

– Может, вы ко мне лучше приедете?

– Ев, ну что за детский сад? На выходных будем дома тухнуть? Да и сегодня открытие нового клуба. Там такая программа! А ты говоришь, к тебе, – обиженно проговорила Настя. И я даже представила, как она надула губы.

– Я даже не знаю, Зайка, – подруге повезло родиться с фамилией Зайцева, и это предопределило ее дальнейшую судьбу.

Разве может не нравится девчонка с именем Зайка? Нет. К тому же она с первого взгляда располагала к себе людей. Могла найти общий язык даже с мертвым и постоянно находилась в центре внимания. Поэтому вариант провести вечер

дома точно не про нее.

– Ну что ты не знаешь? Просто приезжай к девяти в “Black out”.

– Хорошо, подумаю. Позвоню, если все же решусь, – скинула вызов, облокотившись на подоконник и думая, что дома мне гораздо интереснее, чем в каком-то задымленном клубе.

– О чем подумаешь? – вздрогнула, не услышав, как папа вошел на кухню.

– Настя зовет в клуб с девчонками, – обернулась на родителя, и улыбка тут же сползла с моего лица. – Ты куда-то уходишь?

Папа застегивал запонки на белоснежных манжетах, а на шее болтался незавязанный галстук.

– Внезапная встреча с губернатором, Солнышко. Должна была состояться через неделю, но у него произошел сдвиг в графике. Поэтому придется ехать.

– Но сегодня же суббота, – разочарованно подошла к папе и по привычке начала завязывать ему галстук.

– Сам расстроен. Но я обещаю, что завтра мы с тобой все наверстаем. Хочешь, съездим покататься на Искорке? – улыбнулся он, и от этой улыбки потеплело на душе.

– Очень! Я так давно ее не видела!

– Тогда решено, завтра едем на конный двор!

– Вернешься поздно? – поняла, что мне придется провести в одиночестве целый день.

– Боюсь, что могу задержаться. Главное, чтобы дорогу не

начало мести, а то вон снег кружит.

– Может, тогда стоит остаться, – спросила, зная ответ.

– Дочь, это ж губернатор. Как я не приеду?

– Понимаю, – закончив с галстуком, протянула папе пиджак, брошенный на стул.

– Как я выгляжу? – поправил лацканы отец, покрутившись вокруг себя.

– Красавец, – рассмеялась, любуясь тем, как хорошо он выглядел в свои сорок два года.

Светло русые волосы немного темнее моих, голубые глаза, и мама всегда говорила, что мне достались его глаза, и подбородок с ямочкой придавал ему особой мужественности. Все же папа еще очень привлекательный мужчина. Недаром так много женщин охотится за ним. Но он, как и я, до сих пор не оправился от смерти мамы. И снова взгрустнула, представив, как бы она вместо меня взяла ему галстук, а потом они бы еще долго целовались и обнимались, словно перед длительной разлукой. Всегда любила наблюдать за ними и удивлялась заявлениям подруг, что их родители никогда не прикасаются при них друг к другу, или же что они не видели, как папа и мама целовали бы друг друга. Подобные заявления мне казались дикостью. Но когда подросла, поняла, такие семьи как наша – большая редкость. И мне повезло жить с родителями, не представляющими жизни друг без друга.

– Ну, курносик, – ткнул меня пальцем в нос папа. – Не грусти, – подхватил портфель, выйдя из кухни.

– Ты пожалуйста осторожнее, – провожала к дверям. – Вячеслав Анатольевич с тобой едет?

– Он и Витя, – обувался папа.

Прислонившись к косяку, наблюдала за сборами родителей, и снова душа находилась не на месте. Одернула себя, напоминая, что отец едет к губернатору и с ним будет его охрана.

– Ну, до встречи, Солнышко! Не скучай! Сходи с девочками в клуб, – чмокнул в щеку и вышел на лестничную площадку.

Закрыв дверь за папой, я скиталась по дому какое-то время, пытаюсь занять себя чем-то, но то и дело мне мерещились мамины шаги и ее запах. Три года прошло, а мне все казалось, что она где-то в квартире, мастерит своих зверят...

Редкий снежок перерос в настоящий снегопад, и, переживая за родителя, я измеряла шагами комнату, названивая ему каждые десять минут, пока он не отчитал меня. Понимая, что нельзя находиться в таком напряжении, написала Зайке сообщение о том, что присоединюсь к ним, и занялась сборами.

Приняв душ, не стала заморачиваться с укладкой, просто высушив волосы феном. Достала из шкафа кожаную юбку, лежавшую там со школьных времен, и серебристый топ с длинными рукавами и открытой спиной. Чулки, потому что в колготках и кожаной юбке будет жарко танцевать, и ботинки на шнуровке с толстой подошвой завершили мой образ.

С макияжем я тоже не стала мудрить. Тонкие черные стрелки, тушь, немного румян и блеск для губ. И вот я готова для покорения местного танцпола. Взглянула на свое отражение, оставшись довольна результатом. Осмотрела еще раз с ног до головы свой наряд, засомневавшись на мгновение, не слишком ли он вызывающий. Но вспомнив, что одеться подобным образом у меня еще не скоро появится возможность, наплевала и, накинув пальто, спустилась к такси.

Снаружи заведение с огромной надписью “Black out” светилось всеми цветами радуги. По нему ползли световые узоры, сменявшие друг друга. Зайка-Настя, Маруся и Дианка встречали меня у самого входа в клуб. Девчонки визжали от радости, облепив меня со всех сторон.

– Так круто, что ты приехала!

– Наконец-то потусим, как в старые добрые времена!

– Нашей шайке тебя не хватало.

– Тоже очень скучала по вам, девочки! – приветствовала старых подруг.

Сдав одежду в гардероб, мы поднялись на второй этаж, и из меня непроизвольно вырвалось:

– Вау!

Стены и пол в светодиодных экранах, стеклянные столики светились неоновым голубым или зеленым светом. Высоченный потолок больше напоминал купол цирка, усыпанный мелкими огоньками, напоминающими звезды. Стена за диджейским пультом сплошь состояла из квадратных окон,

за которыми танцевали девушки в нижнем белье и раскрашенными телами. У самого танцпола тоже расположилось несколько круглых светящихся белых платформ, где танцовщицы крутились на полотнах или же возле пилона. Чуть поодаль прятались столики для любителей уединения. Там можно было пройти к лестнице на третий этаж, где находились балконы со столиками и небольшими зонами для танцев и еще выше располагался закрытый ВИП уровень с изолированными от посторонних глаз кабинками.

– Пойдемте к бару, – позвала нас Зайка. – Представляешь, – кричала в ухо, – за неделю позвонила, хотела забронировать стол, и ничего уже не досталось.

Заказали с девочками по коктейлю, и в ожидании заказа пыталась расслышать хоть что-то из рассказов подруг. Смотрела на беснующуюся толпу, чувствуя странное возбуждение. Будто вот-вот что-то должно произойти.

Выпив первый дайкири, мы пошли танцевать. Извивались под энергичные биты, крутились вокруг себя. Девчонки строили из себя сексуальных кошечек и только вошли во вкус, как ведущий начал обещанную программу.

Я вернулась к бару, не испытывая никакого желания стоять в толкучке и смотреть на затылки незнакомцев. Заказала еще один напиток, делая маленькие глотки и дожидаясь момента, когда снова можно будет вернуться танцевать. Видела, как на балконы поднимались люди в костюмах в обнимку с красивыми девушками, удивляясь, зачем солидным дядям

проводить время в таких местах. Пыталась представить папу посреди этого дурдома, и не получалось.

Музыка заиграла, люди расступились, освобождая место для танцовщиков. На танцпол вышли пять пар. Судя по возгласам и крикам, они там творили что-то невообразимое. Но меня не интересовало представление. Я просто хотела провести время с подругами.

Залезла на барный стул, достав телефон и проверяя сообщение от папы. Он написал, что ему придется заночевать в краевой столице, и эта новость совсем подкосила меня. Хотела уже ринуться на поиски девчонок, как ощутила чью-то ладонь у себя на спине.

– Ну наконец-то! – крикнула, поворачивая голову, и вздрогнула.

Передо мной стоял тот самый синеглазый брюнет с наушником из папиной приемной:

– Пойдем, – схватил меня за локоть. – Адам Германович хочет с тобой поговорить.

Глава 4

Смотрела в ледяные синие глаза, жесткое лицо, и сердце ухнуло вниз. Глядела на этого мужчину, и становилось понятно, он привык исполнять приказы, не брезгуя методами для их выполнения. Оглянулась по сторонам, рассчитывая, что среди такого количества людей мужчина не станет применять силу. Но люди будто не замечали, что у них под носом происходит что-то странное.

– Я не знаю, кто это, – не собиралась так просто сдаваться и слушаться постороннего человека.

– В твоих интересах не притворяться дурочкой и сделать как сказано, – сильнее сжал руку вокруг моего запястья.

– Что ему нужно? – сердце стучало где-то в горле, а мозг лихорадочно соображал, отыскивая пути отступления.

– Он сам все расскажет, – явно раздражался мужчина. – Идешь сама, или я тебя утащу силой.

Я могла кричать и сопротивляться, но что это изменит? Судя по тому, как испуганно отвели глаза в сторону бармены и официанты, помощи от персонала ждать не стоило.

– Я не одна. Подруги потеряют.

– Не беспокойся, им передадут, что ты отлучилась, – потеряв терпение, сдернул со стула и потащил за собой.

Я следовала за огромной фигурой незнакомца, пробираю-

щегося сквозь толпу, и не верила, что это я – Ева Анисимова, дочь мэра, иду непонятно куда и непонятно для каких целей. Достала телефон, сжав в руке и снимая дорожку, по которой меня повели к тому самому Адаму Германовичу. Мысленно рассмеялась. Боже, ну что за ирония! Разве встречались мне другие парни или мужчины с именем Адам? Нет. Так, может, это шутка такая? Решили поиздеваться над глупышкой Евой.

Мужчина потащил меня к лестнице, ведущей на балконы. И тут во мне проснулся протест.

– Я не пойду дальше! – уперлась пятками в пол, стараясь перекрыть музыку.

– Ну что за дура! – процедил сквозь зубы и одним движением поднял меня в воздух и перекинул через плечо.

И вот теперь мне стало по-настоящему страшно. Я попыталась вырваться, но мужчина как-то ловко обездвижил мои руки, сцепив их между собой и выгнув их за спину. От боли на глазах выступили слезы. Мимо нас проходило множество мужчин и девушек, и никто, ни один, не спросил, все ли в порядке. Казалось, они даже не замечали ничего ненормального.

– Что вы делаете? – хныкала.

– Выполняю просьбу Адама Германовича.

– Папа узнает, что вы творите, и не представляете, что с вами сделает! – напрасно пыталась докричаться до бугая.

Мужчина лишь низко рассмеялся над моими угрозами.

Когда мы наконец поднялись на третий этаж, он открыл дверь и поставил меня на ноги. Грохот музыки стих, меняясь на приглушенную мелодию и женский смех. Оглянулась. Увидела мужчин и девушек, сидящих на диванах, с любопытством поглядывающих в мою сторону. Девушки как на подбор, все ухоженные, сексуальные, в откровенных нарядах, и прилипшие к своим спутникам. Они смеялись, выпивали, кто-то из них танцевал прямо тут перед столом.

И тут я увидела его – Адама Германовича. В отблеске неоновых огней его лицо окрашивалось в разные цвета, лишая его человеческого облика и превращая в исчадие ада. Он прожигал меня тяжелым взглядом, развалившись по самому центру дивана и раскинув руки по спинке, а по обе стороны от него сидели две девицы, брюнетка и блондинка. Блондинка запустила пальчики за ворот белоснежной рубашки, поглаживая мужскую грудь, а брюнетка практически вжалась в него силиконовой грудью, двигая рукой под столом. Только он, казалось, совсем не замечал их. Смотрел на меня, и мне казалось, будто он раздевает меня взглядом. Замерла, не в силах отвести взор от развратного действия. Девушки целовали его шею, покусывали за ухо, а он видел только меня. И казалось, словно это я сижу на том диване и удовлетворяю его рукой.

Меня кинуло в жар от порочных мыслей и передернуло от увиденной картины. Отвела взгляд в сторону, вжавшись во входную дверь и думая, почему я нахожусь посреди этого

вертепа. Боковым зрением заметила, с каким любопытством меня разглядывают другие мужчины, и еще сильнее сжалась, скрестив руки на груди и закрываясь от чужих глаз.

Мужчина, притащивший меня для разговора, снова схватил за плечо и толкнул куда-то в сторону. И только теперь я заметила еще одну дверь. Он втолкнул меня за стеклянное матовое полотно, подсвечивающееся неоновыми огнями.

Маленькая комната с небольшим угловым диваном, маленьким столиком, заставленным напитками, круглым красным пуфиком и пилоном по самому центру помещения. Звук клуба сюда не проникали. Лишь тихая сексуальная мелодия и никакого другого шума. Что за черт? Сердце гулко стучало в груди. Подошла к панорамному зеркальному окну, выходящему на танцпол и скрывающему происходящее внутри комнаты, наконец-то разглядев своих подружек возле бара, спокойно пьющих коктейли в мое отсутствие. Полезла в сумку, чтобы позвонить им. И только тут осознала, что бугай отобрал у меня телефон.

Кровь отхлынула от лица, и меня охватил озноб. Что, черт возьми, они хотят со мной сделать?

За спиной щелкнул замок. Вздогнула, оборачиваясь на шум и леденя от ужаса еще больше. Тот самый мужчина, пугающий меня до дрожи, внимательно следил за мной, засунув руки в карманы брюк. При красном освещении комнаты он походил на самого дьявола, и меня накрыло паникой.

– Вот мы и встретились снова, дочка мэра, – хищно улыб-

нулся он, надвигаясь на меня.

Глава 5

Казалось, сердце от страха вот-вот проломит грудную клетку и выскочит наружу. Я понимала – бежать мне некуда. Снаружи его люди, а если буду долбиться в окно, то все равно меня никто не услышит. Внизу танцпол, кишачий несколькими сотнями людей, и никому нет дела, что происходит в этих закрытых комнатах, на самом верху клуба.

Мужчина неотрывно следил за мной, словно змей перед броском, медленно приближаясь, а я отходила в сторону от него, вокруг проклятого пилона, и боялась выпустить его из поля зрения и пропустить то, как он кинется ко мне. А я не сомневалась, именно таким будет его следующий шаг.

– Что вам нужно? – не собиралась играть в вежливость.

– Ни “здравствуй, Адам Германович”, ни “давно не виделись”, а сразу хамить, – хмыкнул он, следуя за мной. – Нехорошо, Ева Андреевна, – поцокал он языком. – Плохо тебя, видимо, папа воспитал.

– Вы папу моего не трогайте. Вам до него еще расти и расти, – не собиралась выслушивать оскорбления в адрес родного человека.

– А ты меня знаешь, видимо, что делаешь такие смелые выводы? – его глаза потемнели и с губ сползла улыбка, превращая ее в настоящий оскал.

– Я вижу то, как вы действуете и как развлекаетесь, – кивнула на дверь, за которой несколько мгновений назад две девицы готовы были ублажить его прямо там, перед всеми собравшимися в комнате.

– И что же не так с тем, как я действую, и с моими развлечениями, – ухмыльнулся он, так и продолжая преследовать меня вокруг этого идиотского пьедестала с шестом.

– Вы считаете это нормально – тащить человека против его воли куда-то? Это же натуральное похищение.

– Так если человек такой упертый, что противится разговору, – все это время держал руки в карманах брюк. Казалось, будто его все это забавляет. Да и я сама по себе его смешу. Он явно играл мной, как кот с мышкой.

– А вы попробуйте сами попросить, объяснить причины, по которым вам необходим этот разговор.

– Так вдруг мои причины не понравятся этому человеку, и все равно не захочет разговаривать, что тогда? – его взгляд бесстыдно скользил по моему телу, и мне стало еще больше не по себе.

– Просто скажите, что вам нужно, и прекратим этот цирк! – не нравились его игры.

– Тебе нужно успокоиться, расслабиться. Присаживайся, выпей, Ева, – произнес мое имя растягивая, словно смакуя.

– Я лучше пойду.

Не успела сделать шаг к двери, как мужчина очутился возле меня, отгораживая от выхода и проклятого пилона, про-

двигая к дивану.

– Сядь, Ева, – в голосе слышались металлические нотки, и я, следуя инстинкту самосохранения, послушно опустилась на кожаную сидуху.

Мужчина смотрел на меня сверху вниз, и у меня холодок бежал по коже. Я смотрела на темно-синие брюки с идеальными стрелками, коричневые блестящие дорогие туфли и боялась поднять лицо вверх, но и молчаливо выполнять все, что вздумается этому самодуру, не собиралась.

– Что выпьешь? – голос твердый, не терпящий возражений.

– Я не пью с незнакомцами, – чувствовала, как медленно захлопывается капкан на моей ноге, и начинала задыхаться.

– Что. Ты. Выпьешь? – давил Адам Германович.

– Мне все равно, – начала отчаиваться.

Смотрела, как опасный брюнет наливал мне в бокал джин с тоником. Взял щипчики и кинул из ведерка со льдом несколько кубиков в напиток. А себе налил чистый виски со льдом. Протянул мне стакан, гипнотизируя взглядом, и лишь когда я забрала его, улыбнулся одним уголком губ.

Адам опустился на подставку для пилона прямо передо мной. Наши колени разделяло всего несколько сантиметров.

– Адам и Ева, – многозначительно смотрел на меня, улыбаясь. – За знакомство, Ева, – приподнял бокал, слегка стукнув о мой.

Во рту словно пустыня. Страх и неизвестность превраща-

ли меня в комок оголенных нервов. Жадно выпила половину содержимого стакана, чувствуя, как жидкость стекает по горлу и опускается по пищеводу вниз.

– А теперь я узнаю, почему оказалась тут? – осмелилась спросить.

– Все просто, Голубка, – отпил виски, слизав влажные капли с четко очерченных и немного капризных губ.

В этот момент я залюбовалась им и его суровой, жестокой красотой. Оказывается, он не так стар, как мне показалось в папином кабинете. Около тридцати, наверное. И все же, находиться рядом с ним опасно. Я чувствовала это каждой клеточкой тела, и сердце кричало о том, что это страшный, жуткий человек, и заигрывать с ним опасно. Но что от меня зависело?

– Твой отец отказывается помочь мне. А ты можешь попросить его пойти мне навстречу, – тон сменился на деловой.

– Я не вмешиваюсь в папину работу, – а вот такой поворот мне нравился еще меньше.

– Подумай, Ева. Со мной лучше дружить. Такие враги как я никому не нужны.

– Папа никогда не будет участвовать в незаконных схемах, – отставила бокал обратно на столик.

– Даже если попросит единственная дочь? – прищурился Адам. – Я ведь не обижу. Он будет щедро вознагражден.

– Единственная дочь не попросит его идти против совести.

– Совести, – хмыкнул Адам. – Совесть заканчивается там, где начинаются большие деньги.

– Это не про папу.

– Тогда, когда речь заходит о жизни или свободе, – обострились черты его лица. И теперь я увидела мужчину, не знающего отказов и компромиссов. – Рассуждения о совести перестают быть актуальными. Поразмышляй, Голубка, над моими словами, и если внезапно передумаешь, то позвони мне, – протянул пластиковую карточку.

– Этого не случится, – поднялась на ноги, игнорируя его жест.

– Сядь обратно, – сказал так, что волосы на теле встали дыбом. – Сядь, я сказал! – повторил с нажимом.

Опустилась обратно. Мужчина схватил меня за пальцы, резко притягивая к себе. Ладони горячие, немного шершавые и цепкие, как силки.

– Ты, девочка, совсем не понимаешь с кем имеешь дело, – приблизил лицо к моему. Говорил тихо, но вкрадчиво. – С тебя с самой неплохо бы спесь сбить, – сказал с каким-то отвращением. – Не будь так уверена в том, чего не сделаешь. Если я захочу, ты будешь выполнять любой мой каприз по щелчку пальцев. Будешь моей вещью в то время, как твой папочка на зоне драит унитаза. Этого хочешь?

Яростно замотала головой, чувствуя, как к горлу подкатили рыдания.

– Даю тебе время до понедельника на разговор с отцом.

Не сделаешь этого по-хорошему, играть будем по моим правилам, и вам двоим они не понравятся, – вложил мне визитку в ладонь. – А теперь... – приблизился еще, так, что его губы находились всего в нескольких миллиметрах от моих. И я почувствовала запах алкоголя вперемешку с мятой и перечный запах мужского одеколona.

– Пошла вон! – сказал резко, будто пощечину залепил.

Повторять дважды не пришлось. Вырвала пальцы из его захвата и вскочила на ноги, направляясь к двери.

– Даю два дня. И не днем больше, – поднялся вслед за мной.

Подергала ручку, но дверь оказалась заперта. Адам подошел сзади, и, резко обернувшись, я с ужасом зажмурилась, когда он прижался ко мне и дотронулся до моей талии, открывая замок.

– Веселись, Голубка. Это последние деньки твоей свободы, – прижался щетинистой щекой к моей, опалая горячим шепотом. – Увидимся, – подмигнул, ухмыляясь, перед тем как я влетела в чертову VIP-кабинку и тут же, зажмурившись от представшей картины полного разврата, выбежала наружу.

Глава 6

Лежала в кровати, прокручивая в голове события последних двух дней, и не могла успокоиться. Поход в клуб обернулся для меня настоящим кошмаром. Если еще после визита в папин офис я могла списать все на вмешательство в очень важные переговоры. То случившееся несколько часов назад не выходило у меня из головы.

Не знаю, как хватило сил добраться до девчонок и сказать, что уезжаю. Когда ждала такси, еще как-то держала себя в руках. Но когда садилась в машину, увидела, что на крыльцо вышел тот синеглазый мордорот, утащивший меня на плече для разговора с... чудовищем. Даже мысленно не могла назвать его имени. Видела в окно, как подручный монстра проводил такси взглядом. И вот тогда на меня накатило. Трясло так, что зубы стучали.

– Девушка, вам плохо? – спросил таксист, бросая на меня озадаченный взгляд через зеркало заднего вида.

– Морозит немного, – с трудом выдавила из себя, обнимая руками и пытаюсь унять дрожь.

Домой заходила, непрерывно оглядываясь. Теперь все время казалось, будто за мной следят и в любой момент снова просто перекинут через плечо и затащат в незнакомую машину. И на лифте не поехала, потому что боялась, что

кто-то может заскочить и просто сделать со мной все что угодно в закрытой кабине. Взбежала по лестнице на седьмой этаж, торопливо открывая дверь. Оказавшись в квартире, сразу же закрылась на все замки. Посмотрела в глазок, убедившись, что никого нет снаружи, и только после этого прошла в душ, где долго сидела под струями горячей воды, стараясь согреться и избавиться от ощущения гадливости.

Никак не могла забыть его сальных взглядов, грязных слов, а та картина, свидетелем которой я стала, выбежав с аудиенции этого страшного человека, вызывала приступы тошноты. Насколько можно быть беспринципными и аморальными людьми, чтобы вот так, не стесняясь никого, заниматься сексом на людях, да еще и не с одним человеком.

Для меня все это было дикостью. Моральным разложением, но никак не нормой. Считала секс чем-то интимным, сокровенным, тайным, касающимся только двоих людей. И как можно заниматься этим с кем-то без чувств? Наверное, всему виной пример моих родителей, друживших со школы и ставших первыми и единственными друг у друга. Поэтому, дожив до двадцати лет, я ходила девочкой. Не могла подпустить к себе первого встречного, а влюбиться ни в кого так и не вышло. Были симпатии, но не до такой степени, чтобы сердце сбивалось с ритма при виде парня и порхали бабочки в животе, со мной еще ни разу подобного не случилось. А без желания прожить с человеком всю оставшуюся жизнь я не могла отдать свое тело.

Выбравшись из душа, услышала звонок телефона.

– Да, Зай, – приняла вызов одноклассницы. Долго же она ждала, чтобы убедиться, что со мной все в порядке.

– Анисимова, ты рано уехала! Возвращайся обратно!

– Обратно я точно не поеду. Уже спать легла, – спряталась под одеялом.

– Только ты уехала, тут самое интересное началось! – перекрикивала шум музыки Настя. – Нам от клуба в подарок ВИП-кабинку дали!

Сразу же напряглась, вспоминая проклятый ВИП-кабинет, куда меня затащили силой.

– Просто так дали кабинку? – напряглась, чувствуя, как сердце застучало быстрее.

– Сказали, в честь открытия по жребию нам выпал такой подарок! Скажи, круто?!

– И что, вы там сейчас развлекаетесь? – не нравился мне этот щедрый жребий, так удачно выпавший на моих подруг.

– Да! И это еще не все! – восторженно кричала Зайка. – Мы же с хозяином клуба познакомились. Такой мужик офигенный. Пришел нас лично поздравить с выигрышем, ну и накрыл нам стол по полной. Приезжай!

– Как он выглядит? – выпрямилась на кровати, уже абсолютно точно уверенная в том, что это, черт возьми, не совпадение.

– А я тебе фотку пришлю. Давай, а то он вернулся и другого!

– Настя, стой! Уезжайте оттуда! – кричала я подруге, но в ответ слышала лишь длинные гудки.

Попробовала набрать Зайцеву снова, но она скинула вызов, а потом и вовсе не отвечала. Трясущимися руками я пыталась дозвониться до остальных девчонок, но все мои попытки оказались напрасными. Спустя двадцать минут Зайка прислала видео на мессенджер.

Задержав дыхание, нажала на треугольник на экране.

– Смотри, Анисимова!

Камера охватила мини-копию того кабинета, куда меня пригласили на разговор. Все то же самое, только компактнее и без смежной двери. Камера охватила панорамное стекло, за которым множество неоновых огней и беснующаяся толпа, прошла по столу, заставленному разными блюдами, закусками и напитками. В кадре появились девчонки, между которыми сидел, ухмыляясь, синеглазый урод. Камера сменилась на фронтальную, захвативших в кадр снимающего. Шумно втянула воздух, увидев улыбающуюся Настю, прижимающуюся щекой к Адаму Германовичу.

– Привет, Ева, – сказали они хором, и, помахав в камеру, Зайка чмокнула в щеку мужчине.

– У тебя отличные подруги, – проговорил он, и Настя рассмеялась. – Не скучай, – подмигнул он в камеру, съехавшую с их лиц. Услышала звуки поцелуев, и съемка прервалась.

Похолодев от ужаса, сидела и невидящим взором смотрела на телефон. Придя в себя, снова набрала Настю и девчо-

нок, но любые мои попытки оставались безрезультатными. Отчаявшись, я просто ходила по квартире из угла в угол, думая, как должна поступить и что могу сделать здесь и сейчас. Но понимала, полицию вызывать не вариант, наверняка у него там все схвачено. А самой ехать? Кому я помогу, если сама попаду в лапы к монстру. Не знала, куда себя деть от тревоги, разрастающейся внутри меня, как снежный ком.

Все думала о словах этого дьявола Адама, о том, что он может сделать с папой и со мной, и воображение рисовало жуткие картины происходящего с моими подругами. Измотав себя окончательно, наконец-то провалилась в сон, в который почти сразу ворвался звонок.

Дернувшись, не понимала, что происходит и откуда исходит этот звук. Звонок повторился. Посмотрела на часы, высвечивающиеся на колонке. Пять часов пятнадцать минут. Трель звонка снова повторилась, и тогда я поняла – звонил видеофон. Встала с кровати, пошатываясь, направившись к двери. Нажала кнопку, увидев на экране Настю.

– Ева,пусти, пожалуйста, переночевать. Я в такое влипла, – дрожащим голосом попросила подруга и расплакалась.

Глава 7

Поставила перед подругой чашку горячего чая и стакан воды, щедро сдобренной валерьянкой.

– Спасибо, – подруга выпила успокоительное и наконец-то перестала всхлипывать. Смотрела перед собой на столешницу, не поднимая на меня глаз, и тряслась.

Сходила в комнату и принесла для нее плед. Накинула ей на плечи, надеясь, что это хоть как-то сможет унять ее дрожь.

– Расскажешь, что случилось? – решила, что уже нет смысла оттягивать этот разговор.

– Мне так стыдно, – всхлипнула она, вытирая влагу под глазами.

Смотрела на подругу и не узнавала. Никогда не видела ее в таком виде, тёмные волосы спутаны, макияж потёк. В этой печальной девушке не осталось и намека от веселой беззаботной Зайки.

– Рассказывай скорей, – теряла терпение.

Знала, что нельзя давить на человека, находящегося в шоковом состоянии, но ничего не могла с собой поделать. Я и злилась на одноклассницу за то, что так легко подпускает к себе различных уродов, и одновременно с этим жалела её. Даже ещё не зная, что произошло, автоматически оправдывала её перед собой, уже решив, что та не виновна в случив-

шемся. Просто ее доверчивостью и открытостью легко воспользоваться. Почему-то ни мгновения не сомневалась, что все именно так, как я себе нарисовала.

– В общем, мы познакомились с хозяином клуба. С Адамом и другом его. Эту часть ты знаешь. И все хорошо было. Он мне так понравился. Я думала, продолжим вечер где-нибудь вдвоём, – она обхватила ладонями чашку чая и сделала глоток, согревая руки о горячий фарфор.

Снова вспомнила их совместное видео, и по позвоночнику пробежался холодок. Нет, нет, нет. Нельзя, чтобы он даже рядом находился с моими подругами, не то что допускать большее. Почему-то от одной мысли об этом ощутила подступившую к горлу тошноту.

– Мужик-то он видный и состоятельный. При таком можно вообще ни о чем не волноваться. Да и сам он – ходячий секс.

– Настя, – покачала я головой, – что, блин, ты несешь? Какой секс ходячий? Что значит “при таком” ни о чем не беспокоиться? Да он же сам дьявол. Он же пережует тебя вместе с костями и выплюнет!

Девушка замерла, испуганно смотря на меня, и снова задрожала.

– Похоже, я могу идти, – поднялась она на ноги.

– Да успокойся ты, – взяла себя в руки, чтобы больше не грубить Зайке. – Прости, просто я очень переживаю за тебя. А девчонки, кстати, где?

– Они домой уехали, – выдохнула она. – В общем, веселились мы. И все дело двигалось к интиму.

Плотнее сжала губы, чтобы не высказать очередную гадость. Ну как так можно? С первым встречным!

– Знаю, осуждаешь, но вот такая вот я! – горько рассмеялась она.

– Прости, Зай, – не стала уточнять про то, что я сегодня уже видела его с двумя девушками одновременно. – Он очень страшный человек, и не стоило с ним вообще знакомства заводить.

– Все богатые мужики говно-люди, – усмехнулась она. – Но можно стерпеть все, если не приходится жить в нужде.

В ужасе смотрела на старую подругу и не верила, что она это всерьез. Мы, конечно, не так близки последние два года. Но что могло произойти с ней такого, что она стала так рассуждать?

– Если так, то почему ты сейчас сидишь и плачешь? – в голове не укладывалось то, как Зайка стала относиться к жизни и любви.

– Помнишь Антона? – шумно выдохнула она.

– Конечно. Вы столько лет сходитесь и расходитесь. При чем тут он?

– Последний раз, полторы недели назад, я застукала его с девкой. Блондинкой из его группы.

– Какой ужас! – села напротив Насти, пытаясь представить, каково это – увидеть любимого человека с другой. –

Какой козел!

– И самое интересное, застучала их прямо в его тачке. В которой он не разрешал даже воду пить, не дай бог пролью на кожаные сидения, – усмехнулась она. – После этого, через несколько дней, мы с девчонками пошли в клуб. Выпили, веселились, оплакивали мое разбитое сердце и обмывали рога. В общем, в клубе встретили его с этой шваброй. В расстроенных чувствах поехала домой. Пока ждала такси, увидела его тачку новую, ту самую, где они трахались.

Зайка замолчала и немного погодя продолжила рассказ:

– В общем, я достала ключ и прямо по матовой черной краске нацарапала слово “Мудак”. А когда подъехало такси, успела еще камнем разбить фары.

– Что ты сделала? – прижала ладонь ко рту.

– Естественно, по камерам сразу вычислили, кто это сделал. Но пришли ко мне разбираться не Антон или его папаша. Ко мне пришел разбираться дядечка и два его охранника. Оказалось, что я перепутала машины и испортила машину совершенно постороннего человека. Сказали, если не возьму ущерб, то придется натурой рассчитываться на панели.

– Настя! А в полицию ты ходила? – находилась в настоящем шоке от услышанного.

– А толку? – зло глянула на меня одноклассница. – Им не интересно защищать таких, как я. Они защищают тех, кто им платит. Тот мужик, чью тачку я испортила, дал мне неделю

срока. А там покраска и полировка стоят как моя почка. А тут этот Адам подвернулся. Мне понравился. С таким бы я запросто могла быть. Предложила помочь мне в обмен на любую просьбу.

– А он? – позвоночник осыпало мурашками, уже зная, что попросил у нее монстр.

– Он сказал, что решит мой вопрос, если ты в понедельник придешь к нему с положительным ответом. До этого времени возьмет для меня отсрочку, – смотрела на меня оленьими глазами.

– А если не приду или приду, но с отрицательным ответом? – все внутренности скрутило от догадки.

– Тогда мой долг перед теми людьми возрастет, и стану предлагать свои дырки за деньги, но уже тем, кто сам их захочет. Это его слова, – договорила она и упала на руки, рыдавшая и воя в голос. – Ева, – подняла на меня заплаканное лицо, – умоляю, спаси меня!

Глава 8

Постелила Насте в маминой мастерской и, закрыв дверь, села на кухне, переваривая ее рассказ. До сих пор трясло от откровений Зайки. Когда она закончила изливать на меня всю эту грязь, на какое-то время я потеряла дар речи, не зная, как реагировать на такое. Точнее, сначала мне хотелось кричать и обвинять ее в глупости, но я понимала, тем самым проблема не решится. Над Настей так же будет висеть непогашенный долг и перспектива расплачиваться за него телом. А я... Я в тупике.

Не стала ругаться на подругу и объяснять, что изначально не стоило бить чужую машину и тем более не пытаться решить свои проблемы, предлагая секс первому встречному. Логично, что последствия после подобного предложения будут не самыми приятными. Тем более если этот встречный – сам дьявол во плоти. Чем больше думала о событиях минувшей ночи, тем больше убеждалась в том, что даже если бы не Зайкино предложение Адаму, он и без этого уже знал, как надавить на нее, чтобы та повлияла на меня и поторопила с разговором с отцом. Иначе для чего мужчина устроил весь этот цирк с VIP-комнатой и видео? У него определенно был план, и он хотел претворить его в жизнь, но Зайка сама подбросила ему еще более подходящую ситуацию.

И теперь я просто обязана надавить на отца. Но как я могу просить его сделать что-то противозаконное? Ведь очевидно, если Адам Германович пытается воздействовать на папу через меня, то у них столкновение интересов. В любом случае, самостоятельно я не смогу решить этот вопрос. И мне нужно обсудить все с папой. Он должен найти выход, иначе и быть не может.

С этими мыслями легла спать, провалившись в сон без сновидений, и проснулась лишь когда услышала щелчок захлопываемой двери. Села на кровати, насколько мгновений пытаюсь понять, откуда это ощущение, что мне немедленно нужно подняться. И лишь спустя какое-то время воспоминания о минувшей ночи затопили меня, заставляя вновь ledenеть от ужаса.

Подскочила на ноги, выглядывая в коридор и облегченно выдыхая. Папа вешал пальто в шкаф, когда я бросилась к нему на шею.

– Что такое, Солнышко? – обнял меня отец, поглаживая по голове.

Хватило одного вопроса, чтобы прорвало плотину. Слезы хлынули из глаз неконтролируемым потоком. От рыданий сотрясалась грудь. А папа, вернувшись из поездки, не гнал меня от себя, а терпеливо ждал, когда истерика пойдет на спад, и просто прижимал к себе и гладил по волосам.

– Ч-ш-ш, моё золотце. Все хорошо, я с тобой, – говорил со мной так же, как и в детстве, и оттого мне становилось

еще тяжелее. – Что бы ни случилось, мы со всем справимся и найдем выход. Все будет хорошо.

Его слова действовали на меня как заклинание, и постепенно я успокоилась, взяв себя в руки.

– Я все. Больше не буду, – отпрянула от родителя, вытирая влагу под глазами.

– Теперь расскажешь, что случилось? – обеспокоенно смотрел на меня.

И я только теперь заметила пролегшие круги под глазами и серую кожу. Выглядел папа сегодня намного хуже, чем перед поездкой.

– Пройдем на кухню, – потянула его из коридора. – Приготовить завтрак?

Хотелось как-то порадовать близкого человека, прежде чем огорчить новостями. Да и вообще не по душе было втягивать его в эту грязь, но как мне самой разобраться с внезапно навалившимся грузом, тем более когда на кону человеческие жизни.

– Я перекусил по дороге, – устало улыбнулся отец, падая на кухонное кресло.

– Сварить кофе? – мне нравилось заботиться о нем. Приятно радовать тех, кого любишь. А учитывая то, что я собиралась на него вывалить, немного радости не помешает.

– Ты лучше сядь, – похлопал он по соседнему креслу. Заламывая пальцы, медленно подошла к креслу и опустилась на мягкую сидушку.

– Рассказывай, по какому случаю слезы? – внимательно смотрел на меня, и внутри все переворачивалось от того, что я должна сделать.

Перевела взгляд на свои руки, нервно ковыряя ногти, а затем, набрав полную грудь воздуха, взглянула на отца.

– Мы вчера с девочками ходили на открытие ночного клуба.

– Продолжай, – слушал внимательно, стараясь не подавать вида, что серьёзно обеспокоен.

– Того огромного на Советской.

– Понял, – нахмурился отец.

– В общем, меня выцепил среди толпы охранник того мужчины, что был у тебя в пятницу в кабинете.

– Что он с тобой сделал? – краска сошла с мужского лица, и папа вцепился в столешницу с такой силой, что побелели костяшки пальцев.

– Ничего, – испуганно смотрела на папу. – Мы только поговорили.

– Точно? – бегал глазами по моему лицу. Выискивая что-то. – Если этот подонок тебя хоть пальцем тронул, засажу его пожизненно, – сжал челюсти до хруста.

– Правда, пап. Только поговорил и отпустил.

– Что он хотел? – теперь настрой у родителя был совершенно иной, чем в начале беседы. Явно не ожидал, что мои слезы имеют отношение к этому человеку. Наверное, думал, что снова скучаю по маме. И лучше бы в самом деле это ока-

залось простой тоской.

– Он хотел, чтобы я надавила на тебя, и ты сделал то, что он хочет.

– Что будет, если я откажу?

Во рту пересохло, я смотрела на родителя, и язык не поворачивался произнести вслух все сказанное тем монстром.

– Ева, что он сказал?

– Сказал, что отправит тебя на нары туалет мыть... – вторую часть его угрозы так и не осмелилась озвучить. “Сделает меня своей вещью”... Но ведь так не бывает. Люди не могут принадлежать другим людям.

– Мерзавец! – поднялся папа на ноги и начал измерять кухню шагами, так же, как это делала я днем ранее. – До дочери моей добрался, подонок!

– И это не все, – прервала поток мужского праведного гнева.

– Говори, – встал посреди кухни, засунув руки в карманы брюк и хмуро смотря на меня.

– Настя разбила машину какого-то авторитетного человека, и этот Адам сказал ей, что если я не приду в понедельник с положительным ответом по его вопросу, то Настя пойдет на панель рассчитываться с долгом, – поморщилась, увидев выражение лица родителя.

В такой ярости я не видела его ни разу в жизни. Несколько минут затишья, и должен был последовать взрыв. Но папа лишь набрал в грудь побольше воздуха, прикрыл глаза и

шумно выдохнул.

– Папа, кто он такой? – наконец-то задала вопрос, терзающий меня с пятницы. – Разве он действительно может выполнить все эти угрозы?

– Он, Ева... Как бы корректнее сказать... – устало провел рукой по волосам.

– Говори как есть.

– Ублюдок он. Бандит, криминальный авторитет под личиной бизнесмена.

– И что ему нужно от тебя?

– Хочет, чтобы я подпись поставил на вырубку заповедной зоны.

– Но это же незаконно, – теперь пришла моя очередь удивленно хлопать глазами.

– Именно.

– И как быть? Ты подпишешь? – сердце так громко билось в волнении, что, казалось, вот-вот выпрыгнет из груди.

– Не беспокойся об этом, я решу вопрос. И, конечно, ни на какую встречу ты больше не пойдешь.

– Но он сказал... – начала спорить.

Удар кулака по столу заставил подскочить на кресле.

– Нет и точка! – сказал бескомпромиссным тоном. – Я со всем разберусь.

– А как же Настя?

– Настя? – потер переносицу, зажмурившись. – Надо с ней поговорить и узнать детали этого ее долга.

– Тогда я разбужу ее, – всполошилась, побежав в мамину мастерскую.

– Она здесь? – удивленно посмотрел на меня отец.

– Да, ночевала у нас.

– Буди и ждите меня здесь, я пока в душ, – устало выдохнул.

– Спасибо, пап! – подбежала к нему, крепко обнимая. – Ты самый лучший, – чмокнула в щеку и пошла поднимать подругу.

В тот миг мне казалось, что моим тревогам пришел конец. Но никогда в жизни я не заблуждалась больше, чем тогда.

Глава 9

– Добрый день, Ирина Алексеевна, – звонила папе в приемную, не находя себе места от волнения.

– Здравствуй, Ева!

– Папа еще на месте? Не знаете, в котором часу ждать его на ужин? – нашла самый безобидный предлог, чтобы разведать обстановку.

После разговора со мной и Настей вчера утром папа закрылся в кабинете, делая звонки, а после упорхнул из дома и не появлялся до самой ночи. Когда вернулся, сказал, что все под контролем и на встречу с Адамом поедет он сам. После чего чмокнул меня в лоб и ушел спать.

А я всю ночь маялась, волнуясь за папу, Зайку и за всех нас. Я хоть и верила отцу, что у него все схвачено и он со всем разберется. Но вот на душе скребли кошки. Казалось, произойдет что-то непоправимое, после чего жизнь не будет прежней. Мысленно прикидывала все возможные развития событий, пугаясь собственным фантазиям. Так и промучилась всю ночь, решив, уже что не засну и лучше дождусь утра и провожу папу. Но организм меня подвел, затянув в сон.

Проснулась, уже когда за окном светило солнце и папа давно был на работе. Поэтому сидела оставшееся время до часа икс как на иголках и не знала, чего ожидать. Все жда-

ла, когда папа позвонит и успокоит. А после его возвращения домой мы будем вместе ужинать и смеяться над тем, насколько ситуация оказалась пустяковой, и тем, как мы раздули из мухи слона.

Но время встречи давно уже миновало, а от папы так и не было вестей. И все мои сообщения оставались висеть непрочитанными, словно адресат даже и не брал телефон в руки.

– Он уехал на встречу часа три назад, Ева. Сказал не дергать его по пустякам.

– Поняла, – ощутила еще большую тревогу, не находя себе места. – Спасибо, Ирина Алексеевна. Если появится, передайте, пожалуйста, что жду его звонка.

– Хорошо, Ева.

Снова и снова пыталась дозвониться до папы, но все мои попытки оказались тщетными. Тогда набрала начальника папиной охраны, но и тот какое-то время не отвечал.

Часы показывали двадцать один час сорок восемь минут, когда я увидела входящий звонок от начальника папиной безопасности.

– Алло! Вячеслав Анатольевич, здравствуйте!

– Здравствуйте, Ева Андреевна, – говорил строго, как и всегда.

– Вячеслав Анатольевич, папа не отвечает на звонки, а время уже ночь. Что-то случилось? – сердце грохотало в груди так, что казалось проломит решетку ребер.

– Ева Андреевна, вы только не волнуйтесь, – заговорил

мужчина, и у меня подогнулись ноги.

Ни один человек не начнет разговор с фразы: "Вы только не волнуйтесь". Значит, предчувствие не обмануло меня и с папой что-то случилось.

– Что случилось? – медленно села на диван, приготовившись к удару.

– Андрея Васильевича арестовали. Сейчас он в следственном изоляторе, но адвокат работает над тем, чтобы его выпустили под залог.

Во рту пересохло и закружилась голова. Нет, нет и еще раз нет! Мой отец – самый порядочный человек в мире – просто не мог находиться сейчас в изоляторе. Это какой-то дурной сон. Сюр. Я отказывалась в это верить.

– Как такое может быть? – не укладывалось в голове, что это не шутка.

– Я его вез домой, когда позвонила секретарь и сказала, что у него обыск в кабинете. Нашли в ящике стола наркотики и какие-то документы. Уже после этого звонка, по дороге в администрацию, нас остановил патруль, забрав Андрея Васильевича.

– Что теперь? – казалось, из меня высосали все жизненные силы. – Это же определенно подстава. Папа не мог. Должны быть записи с камер.

– Ночью камеры вышли из строя, – огорошил меня Вячеслав Анатольевич.

– Очень удобно, – почувствовала, как по щеке покатилась

слеза. – Что теперь делать?

– Адвокаты уже работают, Ева Андреевна. Они найдут выход.

– Что я могу сделать? – пыталась еще как-то сдерживаться, продумывая возможные варианты помощи.

– Не волноваться и ждать новостей. Завтра с вами свяжется адвокат Андрея Васильевича. Мне очень жаль, что так вышло.

– Вы здесь ни при чем, – тихо выдохнула. – До свидания.

Сбросила вызов и разрыдалась в голос, прекрасно понимая, кто виноват в случившемся. Этот подонок, оказывается, не просто угрожал. Выполнил часть угроз, значит, и выполнение остальных страшилок не заставит себя долго ждать. А что если... Настя!

Мысли о подруге пронзили так резко, что я даже перестала всхлипывать, думая о том, что Адам пообещал Зайке, если я не приду на эту гребаную встречу с положительным ответом.

Позвонила подруге, слушая в трубке длинные гудки. Настя не ответила на звонок. Набрала ее снова и облегченно выдохнула, услышав, как одноклассница сняла трубку.

– Зайка! Ты где? С тобой все порядке? – даже подскочила на ноги, в ожидании ее ответа.

– Зайка, с тобой все в порядке? – услышала низкий мужской голос, и от лица отхлынула кровь.

В трубке раздалось глухое девичье мычание, в котором я

узнала голос подруги.

– Ну же, Зайка, – говорил незнакомец, и от его голоса у меня кровь стыла в жилах, – скажи подруге, как ты.

Настя что-то промычала. Было похоже, что у нее завязан рот или же она находилась под действием каких-то веществ.

– Ты кто? Что ты с ней сделал, мерзавец! – кричала в трубку, слыша, как мычание подруги становилось громче.

– Прикуси язык, сучка! – рявкнул на меня незнакомец. – Твоя подруга теперь отрабатывает долг.

– Отпустите ее! Я найду деньги, все выплачу! Только не трогайте ее! – кричала я в трубку.

– Нет, малыш! – усмехнулся он в трубку и я слышала на заднем фоне другие мужские голоса. – Теперь это дело чести. Будем учить, как нужно вести себя со взрослыми дядями.

– Подонки! – под ребрами горело, хотелось разорвать мерзавцев на мелкие кусочки.

– Следи за языком, Ева Анисимова, или последуешь за подругой, – угрожал ледяным тоном, после чего скинул звонок.

Смотрела на телефон невидящим взором, чувствуя, как меня колотит крупной дрожью. Не нужно было мне объяснять, кто стоит за всеми этими зверствами. И мне оставалось взять за случившееся ответственность на себя.

Побежала в коридор, достав сумочку и вытряхнув все ее содержимое на пол, увидела пластиковую карточку.

А ниже указан номер телефона. И все. больше никаких надписей.

Дрожащими руками набрала написанные цифры, вслушиваясь в длинные гудки.

– Слушаю, – сразу же узнала его твердый голос.

– Это Ева, – не стала здороваться и представляться полным именем. Я испытывала отвращение к этому мужчине и не собиралась проявлять никаких знаков уважения.

– Здравствуй, Ева, – так же холодно поприветствовал меня.

– Мне нужно с вами поговорить.

– Жду тебя через два часа. Адрес скину сообщением, – сразу же оборвал звонок, оставляя меня смириться с тем фактом, что теперь жизни близких людей зависят от меня. И я не должна жалеть о своем решении. Кажется, я вступила в игру, правил которой мне никто не объяснил.

Глава 10

Спустя два часа сидела в такси и смотрела через окно автомобиля на заведение с красной неоновой вывеской “Жар” и изображением бокала мартини с силуэтом девушки, обвинившей ножку бокала как шест.

– Выходить будете? – раздраженно спросил таксист.

– Еще минутку, – делала глубокие вдохи, стараясь унять дрожь.

После звонка Адаму я все же связалась с папиным адвокатом. И тот подтвердил, что до утра невозможно ничего сделать. Судя по его голосу, надежда на залог была мизерной, но все же он не исключал ее, хотя и дал понять, что не все так просто и кто-то постарался убрать папу с пути. Договорились держать связь.

Ходила по дому, обдумывая имеющиеся варианты. И понимала, что чем дольше я медлю, тем больше времени ускользает. Представила утренние посты в новостных группах городах и новости по местному телевидению, и меня кинуло в пот. Я должна что-то с этим сделать. И Зайка! Пока я тут сомневаюсь, с ней уже, возможно, сотворили жуткие вещи.

Оставалась надежда договориться с этим страшным человеком, пугающим меня до дрожи, выяснив, на каких усло-

виях он оставит отца в покое. Пробыла адрес, присланный сообщением, и не нашла никакой информации об объекте. На карте города постройка значилась как просто здание. Поэтому я так смело села в автомобиль, унесший меня по неизвестному адресу, находящемуся на окраине города и спрятанному среди промышленных зданий. Но вот выйти из машины никак не могла найти в себе смелость и сделать этот шаг навстречу неизвестности.

– Простите, а вы не знаете, что здесь находится? – спросила таксиста.

– Едешь работать и не знаешь куда? – хмыкнул седовласый мужчина.

– Мне назначили встречу, и я хотела бы понимать, куда иду, – игнорировала унижительные намеки таксиста.

– Серьезно не знаешь? – озадаченно смотрел через плечо мужчина.

– Судя по вывеске, стриптиз-клуб?

– И не только. На самом деле это закрытый клуб для толстосумов. Чем они там занимаются, догадаться можно, но никто не скажет точно, чем именно. Но попасть туда можно только по приглашению и за большие деньги.

– Понятно, – сердце ухнуло вниз, и теперь еще страшнее стало идти на эту встречу.

– Ты уверена, что тебе туда нужно? – теперь уже без ехидства смотрел на меня водитель. И видела в его глазах нечто, похожее на сочувствие.

А я словно застыла. Меня сковал такой жуткий страх, что я пошевелиться не могла. Словно я находилась в кошмарном сне, когда на меня нападают демоны, а я даже молитву прочитать не в состоянии, потому что рот будто с силой сжимают, мешая даже промычать священные слова. Осознавала, у меня началась настоящая паническая атака. Вжалась в спинку сидения, схватившись за дверную ручку и пытаюсь продышаться.

– Эй, с тобой все в порядке? – слышала будто сквозь вату голос водителя. – Может, тебя лучше в больницу?

Дверь открылась, и мне в руки сунули бутылку воды. Придерживая ее в моих ладонях, поднес к губам, заставляя сделать глоток. В этот момент дверь клуба отворилась. Улицу заполнили звуки музыки и тут же исчезли.

– Дед, ты чего здесь трешься? Давай проваливай. Частная территория, – услышала я мужской бас.

– Уже уезжаю, – ответил ему таксист и, закрыв пассажирскую дверь, вернулся за руль.

Я не сказала ни слова, когда он трогался с места и уезжал от назначенного места встречи. Как только мы отъехали от клуба “Жар” я начала приходить в себя, думая над сложившейся ситуацией.

Отъехав на приличное расстояние и почувствовав себя в безопасности, достала смартфон, набирая номер человека, ставшего виновником наших бед.

– Нехорошо опаздывать, Ева, – хрипло проговорил в труб-

ку мужчина, и у меня побежали мурашки по коже от его голоса.

На заднем фоне играла музыка и доносился женский смех.

– Адам Германович, а что же вы девушку для беседы в такое место пригласили? – старалась звучать твердо. Нельзя показывать страх и растерянность этому хищнику, иначе он растерзает меня. – Хотели, чтобы я зашла и без вести пропала?

– Ну отчего же такие мысли, Ева Андреевна? Мы что, разве бандиты какие-то? – хмыкнул он.

– А кто вы?

– Давайте обсудим это при личной встрече. Проходите, Ева, и я отвечу на ваши вопросы.

– Знаете, Адам, – опустила отчество, парируя его хамство. – Это даже как-то низко, заманивать беззащитную девушку в одиночестве ночью в место с сомнительной репутацией. Давайте встретимся при свете дня и обсудим все наши вопросы, – казалось, что я звучала максимально твердо и решительно.

– Наши вопросы? – переспросил он и низко рассмеялся. – У тебя был шанс обсудить все “наши вопросы”, но ты решила, что умнее меня и можешь пренебрегать моим предложением, – голос стал жестким, бескомпромиссным. Сердце застучало быстрее. Похоже, я перешагнула некую черту, после которой он больше не будет играть в вежливость.

– Теперь мне нечего с тобой обсуждать. Если решишь ина-

че, то знаешь, где меня найти. Удачи, Ева, – сбросил вызов.

Молча смотрела в экран смартфона, не понимая, что именно сейчас произошло. Я что, только что еще сильнее разозлила этого демона? Меня охватил озноб. Вернуться? Поговорить? Нет. Возвращаться обратно нельзя. Это равносильно самоубийству. Тогда что? Ждать суда и честного правосудия? Снова всплыло мычание Насти в трубку и мерзкие смешки ее тюремщиков. Что я наделала?

“Прости меня, Зайка. Я смалодушничала и подвела тебя. Прости”, – повторяла про себя, заливаясь слезами.

Глава 11

С отвращением смотрела на отражение в зеркале. Мерзкая трусиха и предательница. Испугалась за собственную шкуру и бросила на произвол судьбы отца и подругу. И как ты еще после этого сможешь посмотреть им в глаза?

Уехав от клуба, и даже после разговора с Адамом, я не решилась вернуться обратно. Просто не смогла. Представила на мгновение закрытое помещение, откуда не выбраться, и этого опасного мужчину, явно злого и недружелюбного, и на меня накатила паническая атака. Проревела всю ночь в подушку, мысленно извиняясь перед папой и Настей, а к утру смирилась, что придется верить в силу адвоката и справедливости. А также проконсультироваться на тему того, как вытащить из этой передряги Зайку, не навредив ей при этом еще больше.

День пролетел как в тумане. Я ездила в изолятор, напрасно надеясь, что мне позволят увидеться с папой. Никого кроме адвоката к нему не пускали. Дела обстояли серьезнее, чем мы изначально предполагали. В документах, найденных у папы в кабинете, оказались свидетельства незаконной передачи городской собственности в частные руки. А также обнаружилось странные счета с астрономическими суммами. Я не верила, что папа мог все это сделать и вести двойную

жизнь. Ведь никто его не знал так, как я. Да и мама бы потеряла к нему всякое уважение, узнай, что он проворачивает незаконные дела. Но даже если на мгновение допустить, что он действительно сделал все то, в чем его обвиняют, то почему не захотел пойти навстречу Панкратову.

Во всем чувствовался подлог и рука заинтересованных лиц. Но каким образом Адаму удалось подстроить все так быстро? Значит, он уже давно готовился к этой схватке. Папа не пошел навстречу планам Панкратова, и Адам убрал его с поста мэра, а на его место встанет кто-то более сговорчивый. И это именно то, что нужно мерзавцу. Но даже если папа уже не вернется в кресло градоначальника, то вытащить его из тюрьмы нужно любыми способами. Константин Олегович заверил, что сделает все возможное, чтобы снять обвинения, но дело серьезное и шансы крайне малы.

Разговор с ним добил меня окончательно. Я до сих пор не верила, что папа в тюрьме. Думала, это какой-то жуткий сон, стоит открыть глаза, и все будет, как и прежде. Чтобы немного отвлечься от разрывающей сердца темы, проконсультировалась у Константина Олеговича, папиного юриста, по поводу Зайки, и спросила у него контакты человека, который сможет мне помочь выволить её. Проблема заключалась в том, что мы не знали, где ее держали и кому именно она должна.

Связавшись с человеком Константина Олеговича, столкнулась с другой проблемой – деньгами. Все папины счета

оказались арестованы, и я буквально осталась без средств к существованию. О возвращении в столицу на учебу не могло быть и речи. Да и какая учеба, когда вся жизнь полетела к чертям.

Пыталась дозвониться до Насти, но теперь ее номер был недоступен. Оставалось одно, поговорить с ее мамой и надеяться на то, что та в трезвом уме и сможет отыскать необходимую сумму.

– Не знаю, где эта потаскуха, – рывкнула изрядно помятая женщина, от которой несло перегаром.

– Вы не понимаете, Настя попала в беду, – попыталась открыть глаза родительнице подруги на жуткую правду, стоя на лестничной площадке обычной пятиэтажки. – Ее незаконно удерживают бандиты.

– Допрыгалась, значит, – зло хмыкнула тетя Ира.

– Как так можно! Она же ваша дочь?

До сих пор не понимала, отчего такая ненависть к собственному ребенку. Настя говорила, что мама обозлилась, когда отец ушел к другой женщине и продолжал поддерживать дочь, встречаться с ней, забирать на выходные и каникулы в другой город. И Настя была бы рада жить с папой, но мать не отпускала. А когда дядя Паша погиб, ее мама как с цепи сорвалась. Обвиняла дочь, что та испортила ей жизнь и из-за нее она не может найти себе мужа. Постепенно начала пить, и к выпуску из школы, Настя считала дни до того момента, когда съедет в общагу.

Я знала, что после поступления в университет отношения с матерью у них совершенно испортились, и Настя даже не поддерживала связь с мамой. Но все же. Это ведь ее родная дочь! Как можно проявлять подобное равнодушие и жестокость к собственному ребенку?

– Хороша дочь, матери три месяца не звонила.

– И что? Это повод дать ей пропасть? – не отставала от нее.

– Не тебе учить меня! – с едкой ухмылкой проговорила тётя Ира. – Дочь вора – сама воровка!

– Папа ничего не крал, – почувствовала, как от этого мерзкого обвинения засосало под ложечкой.

– Все они ничего не крали, – фыркнула она. – Шла бы ты отсюда, Ева, – начала закрывать дверь прямо перед моим носом.

– А как же Настя, – кричала женщине, но в ответ мне был звук поворачивающегося замка в двери.

Встреча оставила горький осадок. Мне нужно было найти деньги, чтобы выгадать подругу. Если на счет оплаты папиного юриста позаботились благодарные ему люди, то я не имела представления о том, как вызволить Настю из рабства.

Возвращалась домой совершенно разбитая. Вышла из лифта и вросла в пол. На нашей двери белой краской было выведено огромными буквами “вор”, а под дверью наложена куча экскрементов.

Эта ситуация разозлила меня не на шутку и оказалась по-

следней каплей. Спустившись к консьержу, потребовала позвонить охране и просмотреть записи с камер. Но даже всегда приветливая тётя Люда поглядывала на меня искоса и неммым осуждением. По камерам не удалось разглядеть лицо вандала, спрятанного под балаклавой. Мерзавец поднялся с подземной парковки, и отследить, откуда он пришел, никак не получалось. Пригрозив иском на домоуправление, потребовала, чтобы убрали инсталляцию хулигана те, кто допустил в подъезд чужака.

Дома, зайдя в соцсети, поняла, что нахожусь в каком-то аду. Моего папу поливали помоями все кому только не лень. И радовались же, сволочи, его аресту, моментально забыв о всем том хорошем, что он сделал для города. Досталось и мне. Сообщения оказались переполнены посланиями хейтеров. Отключив сеть, пыталась свыкнуться с новой реальностью. И забыться хотя бы на мгновение. Но телефон разрывался от любопытных знакомых, родственников, пытающихся за словами сожаления скрыть свое ликование.

День за днем я билась как рыба о лед, надеясь сдвинуть папино дело с мертвой точки и отыскать помощь для Зайки. Но с каждым днем появлялись какие-то новые детали, усугубляющие папино положение. Параллельно приходилось отбивать новые и новые проделки вандалов и нападки хейтеров.

Я сходила с ума и понимала, что нахожусь в тупике. Еще немного, и я окончательно сломаюсь, и тогда никто, совершенно никто не сможет помочь мне. Нужно отыскать выход

из этой ловушки, и как можно скорее. И в данном случае существовал только один. Я снова должна обратиться к этому чудовищу – Адаму.

Глава 12

– Мне назначено, – осторожно прошла через турникет.

Подняла руки вверх, позволяя охраннику пройти по мне металлодетектором.

– Чисто, – сухо ответил бритоголовый амбал в костюме. – Пятнадцатый этаж.

Забрала со стола личные вещи и прошла к лифту. Дрожащими пальцами нажала на кнопку, стараясь успокоиться. То, что встреча состоится не в каком-то закрытом клубе в ночное время – уже большой прогресс, и, наверное, это можно считать хорошей новостью. Но вот легче от этого не становилось. Все так же страшно встречаться с виновником наших с папой бед. Этот визит унижителен. Все во мне сопротивлялось тому, что я делала. Я сама себе противна, что решила просить помощи у врага. Но другого выхода не видела. Тучи лишь сгущались над нашими головами, и с каждым днем все становилось только хуже.

Не знаю, как смогла собраться с силами, привести себя в порядок и все же войти в это чертово здание. Судя по всему, этот огромный бизнес-центр принадлежал Панкратову. И теперь я шла к нему в офис. И десятки людей стали свидетелями моего позора. Охрана, рабочие центра, обслуживающий персонал. Все они знали, что я дочь взяточника-мэ-

ра, решившая связаться с бандитами, тем самым подкрепляя все отвратительные слухи, витающие вокруг папы. Теперь добавятся новые, обо мне. Но это уже неважно. Хуже быть не может.

Игнорируя любопытные взоры, вышла из лифта, пройдя через светлый холл к стойке администратора, расположившегося прямо перед кабиной лифта.

– Добрый день! Могу вам помочь? – белозубо улыбалась молодая блондинка с глубоким декольте.

– Здравствуйте! Мне назначена встреча с Адамом Германовичем. Анисимова Ева Андреевна, – сразу назвала свое имя, чтобы ускорить необходимые процедуры.

Казалось, что все внутренности скрутило от волнения и время тянулось как смола. Наблюдала за девушкой, ищущей мое имя в компьютере, и думала, для чего Адам придумал это публичное унижение для меня? Ведь через час по городу поползут злорадные смешки о моем появлении в офисе у главного бандита.

– Все верно, Ева Андреевна. Пройдите в приемную, помощник Адама Германовича пригласит вас. Пройдите налево и прямо, и вы увидите приемную.

– Спасибо, – кивнула и твердой походкой отправилась в указанном направлении.

Встречающиеся на пути сотрудники Панкратова провожали меня любопытными взорами. Физически чувствовала их осуждение. Плевать. Главное высвободить папу, а сплетни...

Рано или поздно они сойдут на нет.

Увидела большое панорамное окно во всю стену в конце коридора, возле которого находился стол личного помощника Панкратова. Усмехнулась, увидев сексапильную смуглую брюнетку. То, что этот монстр любил красивых женщин, я уже поняла, и, похоже, любил их в больших количествах.

Девушка предложила присесть на кожаный диван у окна с видом на весь город. Перед диваном стеклянный столик со стопкой глянцевого журналов по экономике, политике, науке. Серьезные издания и никаких глянцевого пустышек. Зеленый уголок, расположившийся напротив дивана, состоящий из комнатных пальм и деревьев, создавал своеобразный оазис среди каменных джунглей. Высокий потолок, мраморные светлые полы, много стекла и света. Типичный современный офис.

А за матовым стеклом скрывался кабинет Адама Германовича, и меня туда не торопились приглашать. Помимо меня в очереди находилось еще несколько человек. Мужчина, флиртующий с личной помощницей Панкратова, и суровая женщина лет пятидесяти с папкой в руках. Мужчина не дождался приема и, оставив документы на секретаршу, ушел, а женщина продолжила дожидаться аудиенции, время от времени кидая на меня злые взгляды.

Из кабинета вышли двое мужчин, и помощница забежала с бумагами, оставленными тем самым мужчиной. Когда вышла с подписанными документами, то сразу же пригласила

суровую женщину. Через десять минут и она покинула кабинет. Тогда я решила, что помощница теперь точно пригласит меня. Но время шло, и обо мне не вспоминали. Чем дольше я ждала, тем сильнее злилась, а злость вытеснила волнение. В конечном итоге я так устала от неизвестности и ожидания, что решила – еще немного, и я без приглашения ворвусь в кабинет врага.

– Девушка, – подошла к брюнетке, – Адам Германович пригласил меня к четырнадцати ноль-ноль, а сейчас уже пятнадцать сорок. Он вообще знает, что я его жду?

– Да, конечно. Он пригласит вас, как только освободится.

– Можете сказать хотя бы, как долго это может занять?

– Простите, нет. Могу я предложить вам кофе? – с тупой улыбкой девица хлопала ресницами, будто и не живой человек передо мной, а равнодушный робот.

Несколько секунд молча смотрела на нее, сдерживаясь от ругательств, готовых соскользнуть с моего языка и дающих красочную оценку умственным способностям брюнетки.

– Спасибо, я выпью воды, – подошла к кулеру, наполняя стаканчик, сделала глоток и чуть не поперхнулась.

– Да вы издеваетесь, – секретутка Адама подскочила на ноги и бегом кинулась открывать дверь в кабинет босса как-ким-то мужчинам.

– Им тоже назначено? – спросила у нее, как только закрылась дверь в кабинет Адама.

– Разумеется, – улыбнулась девушка и побежала за угол

готовить кофе гостям.

Мое ожидание продлилось до восемнадцати часов. За это время я перечитала все имеющиеся на столе журналы и, кажется, начала разбираться в экономике и политике. Смирившись с тем, что Панкратов решил помучить меня ожиданием, видимо, рассчитывая на то, что я не вытерплю и уйду, а позже он мне еще больше отомстит за новое нарушение договоренности. Поэтому я морально готовилась к тому, что мне, скорее всего, предстоит торчать в этом вычурном офисе до самой ночи. Но сдаваться я не собиралась. Все же другого выхода у меня не было, кроме как сидеть и ждать.

Когда за окном опустилась темнота и вместо солнца улицы освещали тысячи огней, в кабинет к Панкратову поднялся тот самый человек, что выкрал меня для разговора с его боссом в клубе. Ухмыльнулся, увидев меня, и зашел в кабинет к Адаму. Спустя пять минут они вдвоем вышли в приемную. Судя по потрфелю в руках Панкратова и переброшенном через локоть пальто, он уходил. Осознав это, подскочила на ноги, побежав к мужчине.

– Адам Германович, мы договаривались о встрече, – семенила я следом за высокой мужской фигурой, широким шагом удаляющейся от кабинета.

– Разве? – мазнул по мне взглядом, не сбавляя темпа и накидывая пальто на плечи прямо на ходу.

– Вы прислали сообщение подъехать сюда к четырнадцати ноль ноль.

– И ты до сих пор не ушла? – хмыкнул он, не удостоив меня и взглядом.

– Мне нужно с вами поговорить.

– Говори, – остановился возле кабины лифта.

– Наедине, – смотрела на ухмыляющегося синеглазого цепного пса Панкратова и совершенно терялась.

– У тебя будет ровно десять минут в машине. Хватит? – снова будто говорил даже не со мной, а с табло лифта.

– Да, этого будет достаточно.

Оставшийся путь до автомобиля мы не разговаривали. Но у черного седана представительского класса, ожидающего Панкратова у бизнес-центра, меня остановил охранник Адама, снова пройдясь по мне металлодетектором, и, перерыв сумочку, разрешил сесть в салон автомобиля.

Стоило мне опуститься на кожаное сидение, как замки на дверях заблокировали. Все происходило так быстро, что я не успела заново испугаться. Настороженно посмотрела на Адама Германовича. Вздогнула, снова увидев так близко его обжигающий темный взгляд, от которого позвоночник моментально покрылся липким потом.

– Начинай, Ева. Твое время пошло, – посмотрел на дорогие часы на запястье и нажав кнопку, засек на таймере десять минут.

Глава 13

Стоило ему сказать “говори”, как на меня напал ступор. В горле будто ком встал, и я смотрела на эти его навороченные часы, чувствовала, как горел темный взгляд у меня на лице, и не могла выдать из себя ни звука. Не так я представляла эту встречу и совершенно не готовила речь, чтобы вот так вот, сходу, вывалить все что нужно и еще попробовать убедить, что мне действительно необходима помощь. В висках стучало, а во рту пересохло.

– Время идет, – подгонял меня мерзавец, унизивший меня и так достаточно сильно, чтобы теперь еще и насмеяться над моим положением и растерянностью.

– Адам Германович, – провела по пересохшим губам языком, заметив, как потемнели глаза Панкратова. Тут же покрылась пунцовой краской, потупив взор.

– Я понимаю, что разозлила вас и вы решили проучить нас с папой... – замолчала, не имея ни малейшего представления, что следует говорить дальше.

– Откуда такая уверенность, что мне есть дело до тебя и бывшего мэра? – усмехнулся Адам.

– Вы говорили, что сделаете в случае, если я не выполню ваших условий, – старалась игнорировать издевку в его голосе. – Я вижу, что вы человек слова. Наглядно показали,

что бывает, если пойти против вашей воли.

Боже! Кто бы знал, с каким трудом мне давались эти слова. Я ненавидела себя за каждый произнесенный звук. Как я докатилась до такого, чтобы унижаться перед человеком, разрушившим нашу жизнь? Но как бы невыносимо ни было, еще сложнее мне давалось то, что папу осудят и упекут в тюрьму на долгие годы. И люди, те самые люди, что голосовали за него, радовались переменам в городе, будут поливать его помоями, думая, что он в самом деле взяточник и бесчестный человек.

– Теперь я иначе смотрю на ваше предложение и готова сотрудничать в обмен на то, чтобы вы поспособствовали папиному освобождению и освобождению моей подруги. Насколько мне известно, папа отдал долг за Настю, тогда почему же ее продолжают незаконно удерживать неизвестно где, и жива ли она, мне тоже не известно.

– Сразу условия выставляешь? – хмыкнул он, равнодушно мазнув по мне взглядом, и тут же перевел взор к окну. – Смелая ты девчонка, Ева Андреевна. Стержень в тебе есть, такой прямо прут металлический, – снова вернул глаза ко мне. – Наивная, правда, но стойкая.

Не понимала, издевается он или действительно такого мнения обо мне, но перебить мужчину не решалась.

– О каком сотрудничестве ты говоришь? – вперился в меня тяжелым, пристальным взглядом, от которого мне захотелось поежиться.

Вмиг ощутила себя жалкой букашкой рядом с огромным хищным зверем, способным прихлопнуть меня одной лапой.

– То, что вы хотели от папы. Он все подпишет, только, пожалуйста, помогите ему выйти из-под следствия.

А вот теперь он смотрел на меня как на глупую, совершенно несмышленную девчонку, выпрашивающую у родителей снег посреди лета.

– Забавная ты такая, – хмыкнул он. – И трогательная, Голубка, – на мгновение задумался, а затем снова взглянул куда-то в окно. – Мне уже ничего не нужно от твоего отца.

Последняя фраза прозвучала как приговор. Все потеряно. Он не спасет папу. Я облажалась, подвела единственного близкого человека. Меня охватил ступор, и я шумно втянула воздух, сдерживая подкатывающие слезы и думая: “Как быть”?

– Почему? – понимала, как глупо это звучит, но что-то же я должна сделать, а не сидеть безвольной куклой, молча принимая все подножки судьбы.

– Я решил этот вопрос и гораздо менее затратным способом. Поэтому твое предложение не имеет для меня ценности.

– Подождите, – повернулась всем корпусом к мужчине. – Хорошо, пусть вы и решили свою проблему. Но должно же быть что-то, чем я смогу с вами расплатиться за папину и Настину свободу.

– То есть ты настолько решительно настроена, что гото-

ва согласиться на любые условия? – вопросительно вскинул бровь, словно наслаждаясь моей беспомощностью.

– Разве у меня есть выбор? – устало посмотрела на него, игнорируя страх и дрожь внутри. – Вы моя единственная надежда, – не стала лукавить.

Все, что я успела понять об этом властном и опасном человеке, – с ним нельзя играть. Нужно сразу говорить все как есть, иначе есть шанс расплачиваться за обман еще более дорогой ценой.

– Как ты считаешь, что может стать равной ценой за свободу твоего отца и той потаскухи, что ты зовешь подружкой?

Выжидательно смотрел на меня. А я растерялась. Не знала, что могу предложить. Ведь у меня ничего нет. Кроме себя.

– Могу работать на вас. Буду отрабатывать столько, сколько скажете. Только помогите освободить их.

– Как же учеба? – прожигал темными, казавшимися во тьме ночной совсем черными, глазами.

– Переведусь на заочное, – пожала плечами и откинулась на спинку дивана, стараясь спрятаться от его взгляда и не надеясь на чудо.

– А что же скажет папа, когда узнает, что ты продала себя в рабство в обмен на его свободу. Он примет освобождение, давшееся такой ценой?

В салоне воцарилась тишина, и лишь тихое тиканье сигнала поворота и едва уловимый бубнеж радио разряжали на-

пряжение, повисшее в воздухе. Посмотрела на затылок водителя, потом на охранника, понимая, они все стали свидетелями моего позора. Одно радовало, что хотя бы не видела их глаз. Мне плевать на осуждение или насмешку совершенно посторонних для меня людей. Но сейчас, в момент слабости, боялась не выдержать и сломаться.

Запищал сигнал на часах Панкратова.

– Главное освободить его, – обреченно добавила, понимая, что аудиенция окончена.

– Я обдумую твоё предложение, – сказал Адам Германович.

Машина затормозила, припарковавшись на автобусной остановке.

– Спасибо, что уделили время, – положила руку на дверную ручку.

Замки щелкнули, и я открыла дверь.

– Будь на связи. Дам знать о своём решении, – сказал Панкратов, даже не посмотрев на меня.

Машина пришла в движение, едва я успела захлопнуть дверь. Что ж! Я использовала свой шанс. Домой ехала, ни на что особо не рассчитывая. Судя по скучающему виду Панкратова, его совершенно не заинтересовало моё предложение. А я снова и снова прокручивала наш разговор, не в силах вытравить из головы мрачный образ, пугающий меня до дрожи.

Прошло несколько дней после нашей беседы, когда мне

позвонили с незнакомого номера:

– Ева Андреевна? – пропел приятный женский голос, показавшийся смутно знакомым.

– Да, с кем разговариваю?

– Это личный помощник Панкратова Адама Германовича, Вероника.

– Я слушаю, – всполошилась, выключая кран и вытирая мыльные руки о полотенце.

– Через три часа за вами подъедет водитель Адама Германовича Олег. Будет ждать вас ровно в семнадцать ноль-ноль у подъезда. Не опаздывайте. Всего доброго.

Девушка сбросила вызов, оставляя меня в растерянности и с бешено стучащим под ребрами сердцем.

Глава 14

Первые несколько минут после звонка помощницы Панкратова я пребывала в полнейшей растерянности. Что означает ее звонок? Значит ли это, что Адам Германович согласен помочь вытащить из тюрьмы папу и Настю из рабства? И куда меня повезет его водитель? Как я должна выглядеть? И что мы будем делать? Снова затащит меня в то омерзительное заведение?

В голове роилось столько вопросов, и ни на один из них никто мне не мог ответить. На удачу и благосклонность небес не стоило уповать, поскольку мне придется идти на встречу к самому демону и продать ему душу.

Лишь опомнившись, что время идет, а я по-прежнему растрепанная, с засаленной головой и в мокром фартуке, побрела приводить себя в порядок. Приняла душ, нанесла легкий макияж и надела черное платье-футляр, накинув сверху жакет. Не хотела выглядеть вульгарной, но и в джинсах так же не могла ехать на встречу, от которой зависело, выпустят ли папу на свободу или нет.

Пока собиралась, непрерывно думала о том, что будет. Задвигала мысли о том, для чего именно Адам меня приглашает, в дальний чулан, предпочитая верить, что он поручит мне работу девочки на побегушках и даже уборщицы. О том, что он может интересоваться мной как женщиной, я не думала

вообще. Вон сколько вокруг этого чудовища крутилось красивых женщин, и явно все они были не прочь проводить с ним время. Взять хотя бы Зайку...

Но тем не менее в голове пару раз промелькнула мысль, что он может мной воспользоваться и не сдержать обещание. Но я не позволила ей там закрепиться, прогнав с позором и думая о чем угодно, кроме этого варианта.

В указанное время спустилась вниз, сразу заметив ту самую машину, в которой мы общались с Панкратовым несколькими днями ранее. Села на заднее сидение и тряслась весь путь до пункта назначения как осиновый лист. Руки дрожали, и было трудно дышать. Но назад дороги не было. Я все решила, и идти на попятную не намерена.

Водитель отвез меня в новый элитный район города. Мы с папой тоже жили в хорошем районе и относительно новом жилом комплексе, но он никак не дотягивал до класса люкс. Высокие небоскребы с ресторанами, спортклубами, частными клиниками и бассейнами на крыше, все это располагалось внутри жилого комплекса. Я ожидала, что водитель припаркуется где-то снаружи или на общей подземной парковке. Но автомобиль сделал практически полный круг, объехав периметр комплекса, и только потом мужчина приложил карту и въехал на отдельную парковку.

Водитель проводил меня до лифта, открывающегося тоже с магнитной карты и имеющего внутри лишь одну кнопку. Мы проехали до самого верха здания, после чего двери разь-

ехались, и я оказалась в огромном пентхаусе.

– Адам Германович немного задерживается. Располагайтесь и почувствуйте себя как дома, – сказал водитель и оставил меня в полном одиночестве.

Осторожно прошла по мраморной плитке внутрь квартиры, сразу очутившись в просторной гостиной-студии с совмещенной кухней. Но не интерьер меня привлек, а вид из огромного окна, занимающего всю стену. Отсюда вид казался еще круче, чем из офиса Панкратова. Весь город, загорающийся ночными огнями, находился как на ладони, завораживая и заставляя забыть на время, что я на территории врага и моя судьба неизвестна.

Прилипнув взглядом к окну, я абстрагировалась от внешней обстановки и обстоятельств, забыла на какое-то время, что я в логове хищника. На самом деле я пребывала в диком ужасе. Я ожидала чего угодно, даже чертова закрытого клуба, но ждала, что территория будет нейтральной и где-то рядом будут находиться другие люди. И в случае чего я могу закричать “на помощь”, и даже пусть они не откликнутся, но это знание, что там есть кто-то, оно успокаивало. Пусть эти кто-то мерзавцы и подонки. Но оказаться один на один с демоном у него в логове – это оказалось слишком. Какие разговоры можно вести ночью у одинокого мужчины?

И, стоя у этого огромного окна, чувствовала, как лечу в пропасть, в глубокую яму, словно Алиса из сказки, побежавшая за белым кроликом. Только я не Алиса, и хозяин этой

норы не белый пушистый кролик, а злой и страшный хищный зверь. Демон. Исчадие ада.

Липкий, леденящий душу страх оплетал меня паутиной, не давая выбраться из коварных сетей. Я стояла посреди этой шикарной квартиры, но боялась сделать даже шаг, не то чтобы ходить и осматриваться вокруг, будто у себя дома. Устав стоять, прошла к креслу, осторожно присев на краешек и ожидая, что в любую секунду моя жизнь изменится до неузнаваемости. Стоит Панкратову появиться в этой комнате, как я никогда не стану прежней.

Время шло, ничего не менялось, но я по-прежнему боялась двинуться с места. Просто села чуть удобнее, откинувшись в кресле. Затем скинула туфли. И когда стало уже плевать на страх, сама не заметила, как, устав от напряженного ожидания, провалилась в сон.

И снилось мне, как я лежу на зеленой траве и ласкает мою кожу ветер. Ласковый и теплый. И мне так приятно, что из груди вырывается стон. А затем прикосновения ветра становятся все ощутимее и настойчивее, и лишь тогда я поняла, это не сон. И касается меня вовсе не ветер.

Распахнула глаза, встретившись с блестящими во тьме черными глазами. Темный силуэт находился вплотную ко мне, и мужская ладонь ползла вверх по моей ноге, достигнув подола платья, когда я осознала происходящее, закричав.

Глава 15

Мужчина стоял мрачной тенью, не двигаясь с места. Казалось, мой крик совершенно не произвел на него никакого эффекта. Он лишь продолжал сверлить меня непроницаемым взглядом. Отблески уличных огней бросали блики на его лицо, превращая в зловещую гримасу. Сердце отбивало сумасшедший ритм. Чувствовала его руку, забирающуюся все выше под подол платья, но боялась пошевелиться. Меня будто парализовало от страха. Но как только его наглые пальцы легли мне на бедро, я вышла из оцепенения, скидывая его кисть.

– Что вы делаете? – вскочила на ноги и, схватившись за спинку кресла, обежала его, выстроив между нами преграду.

– Трогаю тебя, – хмыкнул мужчина, прожигая меня тяжелым взглядом. Его темные глаза во полумраке казались черными, как и его душа. – Ты же за этим пришла.

– Я пришла, чтобы спасти отца! – он обошел кресло, и меня затрясло от осознания, что я наедине в комнате с этим чудовищем. Что он собрался со мной сделать? – Вы сказали, что если я приду, вы оставите его в покое.

– Я ничего не говорил, милая, – усмехнулся, наступая на меня, словно хищник. По лицу видела, как его забавляли мои жалкие попытки спастись. – Но если хочешь, чтобы я

помог, то буду тебя трогать как захочу, где захочу, – он приближался, а я пятилась назад, все еще надеясь, что с ним можно будет как-то договориться, – и когда захочу!

В один шаг он сократил между нами расстояние, прижимая меня к стене. Терпкий мужской запах наполнил воздух вокруг. Он вжался в меня всем телом. Я чувствовала твердые мышцы под дорогим костюмом и понимала, насколько он сильный и мне точно с ним не справиться.

– Так что, Голубка! Хочешь стать голубем мира, подчиняйся. Ты же хочешь спасти папочку?

Оперся одной рукой о стену возле моей головы, а второй взял за подбородок, приподнимая на себя. От места прикосновения его пальцев кожу пронзил электрический разряд. Дернулась, пытаюсь избавиться от ненужного касания, но он силой заставил снова посмотреть на себя.

– Я не услышал ответ, – дотронулся большим пальцем до нижней губы, нажимая и вызывая боль.

– Да. Для этого я здесь, – пыталась храбриться, но голос дрожал.

Этот мужчина пугал меня до дрожи. Таких темных хищных глаз никогда не видела ни у одного из людей. В свете полумрака из-под широких темных бровей виднелся лишь хищный блеск. И этот шрам через правую скулу, кричащий о его опасности, отталкивал. Плевать мне, что женщины считали его красивым и сами ковром стелились перед ним. У меня же от него мороз по коже и аритмия.

Сейчас он смотрел на меня с каким-то диким, животным голодом, отчего позвоночник покрылся липкими каплями пота и захотелось спрятаться от него где-то на другом конце вселенной. Но если я сбегу, кто вытащит отца из этой передраги?

– Тогда тебе придется смириться с тем, что теперь я полностью распоряжаюсь твоей жизнью. И ты будешь выполнять все, что я захочу. Одно неповиновение, и отвечать придется твоему отцу.

Тяжело сглотнула, ощутив, как пересохло во рту.

– Ты поняла это, Ева?

– Я выполню любую работу, какую скажете. Только папу освободите, – наивно надеялась достучаться до монстра.

– Работу? – усмехнулся, обнажая белоснежные зубы, казавшиеся неестественно белыми на фоне черной щетины и смуглой кожи. – Разве такая нежная кожа, – схватил мои руки, поднимая над головой. Скрестил их и прижал широкой ладонью к стене. – Бывает у рук, что привыкли к работе?

Его лицо так близко к моему, что я чувствовала его дыхание.

– Нет, Голубка! Но я найду для них применение, – вжался в меня бедрами, и я ощутила твердость под его брюками, упирающуюся в живот. Вспыхнула, осознав, что это мужское желание, и он, этот человек из Ада, дает мне четко понять, что не для разговоров я здесь и не для уборки или любой другой лакейской службы. У него на меня конкретные пла-

ны. Почему-то от этой мысли стало жарко.

– Что вы хотите? – провела языком по пересохшим губам.

Мужчина проследил за движением языка, и мне показалось, что его глаза еще сильнее потемнели.

– Хочу сделать тебя своей шлюхой, – слова прозвучали как пощечина.

Горячая ладонь легла на бедро. Задрал платье вверх и добрался до ягодиц, поглаживая. Шершавая кожа царапала и по телу пробежали мурашки. Мужчина сжал ягодицу и толкнул на себя, сильнее вжимая в пах.

– Ты будешь раздвигать ноги передо мной в любое время суток и подставлять другие отверстия по одному требованию.

Отрицать его намерения уже бессмысленно. Где-то в глубине души я хотела верить, что этот самый опасный человек в городе хотел не только мое тело, но прежде всего мою душу. Все мы, девушки, такие. Пытаемся найти романтику даже в самой безвыходной, самой жуткой ситуации. Вот только теперь придется принять жестокую реальность, проглотив горькую пилюлю правды. Я продала свое тело в рабство самому жестокому мужчине в городе за спасение единственного близкого мне человека.

– Но... – пыталась что-то возразить, чувствовала, как по щекам текут слезы.

– Рот будешь открывать, когда я скажу! – рявкнул, обхватив щеки пальцами, изучая мое лицо.

Мужчина придвинул лицо ещё ближе. Зажмурилась, опасаясь того, что последует дальше. Коснулся языком моей щеки. У меня перехватило дыхание. Он слизал соленые капли с моих щек. Сердце бешено колотилось от страха и, казалось, застряло где-то в горле.

– Открой глаза, – приказал, и я, не смея послушаться, распахнула веки.

– Ты пришла сюда спасти папочку!?

– Да, – тихо выдохнула и замерла от страха.

– Пришло время произвести первый взнос по оплате сделки.

– Что? – не понимаяюще смотрела на него.

– Вставай на колени! – рукой надавил мне на плечо, и я услышала звон пряжки ремня.

Под давлением его руки рухнула на пол, больно ударяясь коленями о плитку. Какой же он сильный. Мне точно не справиться с ним. Он возвышался надо мной нерушимой скалой. Я по сравнению с ним букашка, насекомое, которое он прихлопнет кулаком и даже не расстроится. Я всего лишь одна из сотен, сама согласившаяся на все ради спасения папы. Назад дороги нет.

Наблюдала за тем, как он расстегнул ремень, понимая, чего именно этот мужчина ждет от меня. Все казалось каким-то сюрром, отвратительным сном. Адам расстегивал ширинку, удерживая меня на месте. И я как в замедленной съемке следила за его пальцами, цепляющимися за собачку

на молнии и двигающиеся вниз.

Увидела белую полоску боксеров с брендовым названием, чуть оттопыренную возбуждением от живота мужчины. Проследила взглядом ниже, по очертанию мужского органа, выпирающего из-под темно-синей ткани белья. Он в полной боевой готовности. И пусть я не видела вживую мужской эрекции и сравнить мне не с чем, но этот кажется гигантом даже через трусы.

Осознание происходящего обрушилось на меня, словно ведро ледяной воды.

– Нет, нет, нет, – уперлась в его бедра, стараясь отпихнуть мужчину от себя подальше.

– Я не могу, – отвернулась в сторону.

– Поздно, Голубка. Ты сама пришла, – схватил волосы на макушке, силой поворачивая лицо к своему паху. – Сама согласилась на условия.

Слезы ручьями текли по щекам. Не верила, что все это реально происходит со мной.

– Отпустите, пожалуйста. Я... я не могу. Я не готова.

– Поздно, – твердил одно и то же Панкратов, сильнее сжимая мои волосы и вызывая всхлип.

Подняла руки к голове, обхватывая его ладонь своими и пытаясь хоть немного смягчить его хватку и унять боль.

– Ты на все согласилась, и теперь пора отрабатывать.

– Нечего еще отрабатывать! Я не уверена, что вы сдержите обещание, – выкрикнула, зажмурившись от боли.

– Маленькая сучка будет диктовать свои условия? – услышала усмешку в его голосе.

– Я сделаю все, но вдруг вы обманете, – тараторила, стараясь не кричать. – Ай, бо-о-ольно, – непроизвольно взвыла.

Кожу головы перестало тянуть, и неприятные ощущения отступили. Подняла глаза на Адама. Из-за пелены слез не могла разглядеть его.

– Ты мне условия выставляешь? – почти прорычал он.

– Я... – начала говорить, тут же запнувшись, желая не упустить момент. – Я вам не верю. Вы используете меня и выкинете на улицу, а папа так и останется сидеть. Мне нужны гарантии.

– Какие на хер гарантии? – зарычал Панкратов, зверея на глазах.

Мне показалось, еще немного, и он ударит меня. Сжалась, боясь гнева незнакомого мужчины, закрывая лицо руками.

– Договор, – осенило меня внезапно. – Давайте заключим договор, – проговорила сквозь ладони.

Глава 16

Адам

Смотрел на эту маленькую сучку и не верил, что она оставила меня. Стоял перед ней с расстегнутой ширинкой, член готов взорваться от возбуждения, а она говорит “нет”. Нет, блядь?! Как такое вообще возможно? Я же, мать ее, только и думаю последние полторы недели о том, как наконец-то отымею ее болтливый рот. Оттрахаю так, чтобы больше и в мыслях не думала спорить со мной.

– Какой на хуй договор?! – опешив, вглядывался в ее хрупкую фигурку, сидящую у меня в ногах, закрыв лицо руками. – Убери руки! – начал терять терпение, схватив её за пальцы и разводя руки в стороны. – На меня смотри!

Не привык ни с кем столько возиться и не помнил, когда вообще кого-то приходилось уламывать. Даже, блядь, в школе все девки сами плыли ко мне в руки. Любые понравившиеся сискыки и задницы оказывались у меня в постели без долгих прелюдий. Еще не имея ни черта за душой, трахал самых красивых девчонок, а если хотел несколько за раз, то и в этом почти никто не отказывал. А стоило стать частью мира больших денег, так я напрочь забыл, каково это слышать “нет”. Теперь мне не отказывал никто ни в постели, ни

в бизнесе.

Меня боялись, со мной считались и старались не конфликтовать и предоставить все необходимое. С моей руки ели политики, и никто не смел переходить мне дорогу. Все знали, как я умею добиваться своего. И никто не хотел стать тем несчастным, кого я занес в черный список. Я привык к такой жизни. Последние несколько лет даже не беспокоили разборки со Стрелком. И только на семье мэра произошел сбой.

Еще до последних выборов мне говорили, насколько принципиален и неподкупен Анисимов. Но я не сомневался. Подкупить можно каждого. А если не деньгами, то всегда можно надавить на человека другими способами. Мои люди приглядывали за ним, и поскольку наши дороги не пересекались, я не особо интересовался Андреем Анисимовым. Действовал по привычке: выступал спонсором на городских мероприятиях, совершал пожертвования на реконструкцию памятников архитектуры, парков и детских садов, чтобы маячить на глазах у жителей города и оставаться на хорошем счету в администрации. И не было у меня никаких вопросов к мэру, пока не появился план постройки горнолыжного комплекса.

Крупные инвестиции – шикарное прикрытие для серых схем. Но вот тут и проявилась принципиальность Анисимова. Ни за какие бабки не соглашался подписывать разрешение на вырубку заповедной зоны и застройку. Так долго, как

мэра, не уламывал даже девственниц в школьные времена. Сука, уперся рогом и упрямо твердил: “Нет”.

В тот вечер, полторы недели назад, собирался перейти к более решительным мерам, когда в дверях кабинета Анисимова появилась она – идеальный рычаг давления на мэра. Стоило увидеть ее там, перепуганную, хрупкую и светлую, казалось, что у нее над головой даже нимб светится, такой чистой она показалась мне в ту первую встречу. И захотелось немедленно запачкать ее, спустить с небес на землю и окунуть в похоть и разврат. Представлял, как буду драть ее во всех позах, а позже скину видео ее папочке. У которого не останется другого выбора, как играть по моим правилам, чтобы защитить честь дочки.

Сама только мысль о таком сладком возмездии возбуждала до предела. Сразу же навел справки о девчонке, убедившись, что та со всех сторон чиста. В порочащих связях не уличена, школу закончила с золотой медалью и в университете в столице учится на бюджете с отличием. Хотя у такого отца вряд ли могла быть другая дочь.

Нужно ли говорить, что, увидев ее у барной стойки во время открытия моего самого крупного клуба, воспринял это как доброе знамение. Рассчитывал, разговорю, соблазню, и подпись ее папашки уже у меня. Но девка оказалась зубастой. Тряслась там, как кролик, возбуждая меня своим страхом и недоступностью. И каждая новая встреча лишь подогревала мой интерес к чистой и дерзкой голубке. Смотрел

на нее, поражаясь, как в такой хрупкой девушке сочетаются страх и дерзость, которыми она лишь сильнее влекла меня. С каждым новым разговором она лишь прочнее заседала у меня в голове, став настоящей навязчивой идеей, от которой можно было избавиться лишь единственным способом.

Вот и сегодня ехал после встречи сюда, думая, что все уже решено. Трахну наконец-то “папину дочку” и выброшу из головы и из жизни, забыв, что вообще существовала когда-то такая Ева Андреевна. Зашел в полумрак квартиры и обалдел от представшей картины. Свернувшись на кресле, будто котенок, спала дочь мэра. Расположилась, блядь, как дома у себя, и просто спала. Встал вблизи, рассматривая ее, не в силах удержаться от того, чтобы не потрогать стройные ноги, и думая, что наконец-то увижу, что скрывается под бессмысленными тряпками.

Но Ева снова удивила меня. И эти ее крики, слезы, они совсем не возбуждали. Хотелось надавать пощечин истеричке и уже взять то, зачем она появилась здесь. Ведь знала, куда идет, так какого хера ведет себя как идиотка?

– Хочешь, чтобы я на бумаге прописал свои права трахать тебя всеми возможными способами? – смотрел в кристально чистые, как осеннее небо, глаза и не понимал, какого хера занимаюсь этим дерьмом. Могу же просто повернуть ее лицом к стене, задрать подол платья и отыметь.

Но я почему-то разговариваю с ней.

– Мне нужно, чтобы вы юридически подтвердили свои на-

мерения освободить папу.

Слишком много говорит. Много думает.

– Моему слову ты не веришь? – смотрел на нее сверху вниз, на заплаканное лицо, розовые пухлые губы и ничего не мог с собой поделать, представляя, как вгоняю член в этот рот.

– Нет, – мотнула она головой и, не дождавшись разрешения, медленно поднялась на ноги, упершись взглядом мне в глаза.

Играет, сучка. Оттягивает время. Но я не железный. И ей лучше не пробуждать мои темные стороны, иначе Анисимова Ева, дочь мэра, пожалеет о своей игре.

– Я поняла, на каких условиях вы... – запнулась, выдавливая из себя, – поможете нам. Но мне нужно понимать, что условия сделки будут выполнены с двух сторон, а не так, что вы воспользуетесь мной и выпнете на улицу.

Голова высоко поднята, смотрела мне прямо в глаза, а губы подрагивали. Она явно находилась не в своей тарелке. Видел жилку, бьющуюся под тонкой белой кожей у нее на шее, желая коснуться ее, лизнуть, и сам закипаю от подобных мыслей. Резко вскинул руку вверх, обхватывая тонкую шею ладонью и прижимая ее к стене.

– Ты, видимо, не понимаешь, с кем связалась? – сократил расстояние между нами, рыча, практически ей в губы. – Привыкла быть принцесской. Думаешь, топнешь ножкой, и все будет по-твоему? Нет, Голубка. Сказка закончилась, ка-

рета снова превратилась в тыкву, а тебе пора мешки фасоли перебирать и ноги раздвигать.

Сжимал сильнее девичью шею, чувствуя, как под большим пальцем бьется та самая жилка. Погладил ее подушечкой пальца, изучая ее безупречное лицо. Никакого ботокса или переделок, кажется, в ней все натурально и идеально. Но так быть не должно. Нужно запятнать, испортить, сделать такой же, как и другие.

Таких только рисуют, в жизни подобные девушки не встречаются. По крайней мере, они не ходят по тем же улицами, что и я.

– Не думай меня дурить. Иначе жизнь превратится в ад. Поняла меня?

Ева едва заметно кивнула, пытаясь просунуть пальцы под мою ладонь.

– Договор нужен тебе? Будет тебе договор. Составлю так, что сама пожалеешь о своей идее.

Приблизился, осторожно обхватывая зубами пухлую нижнюю губу, с трудом сдерживаясь, чтобы не накинуться на нее немедленно. Но у нее по щекам снова потекли слезы, и девчонку затрясло. Неужели так противен?

Разжал пальцы, отпуская хитрую сучку. Она закашлялась, обхватив шею руками и сгибаясь пополам. Кашляла, не прерывая зрительного контакта со мной.

– Будет тебе договор, – рявкнул ей. – Но с этого дня ты не имеешь права выходить из квартиры, пока я не разрешу.

– Что? – испуганно смотрела женщина.

– Теперь ты здесь живешь. Смирись с этим, – застегнул ширинку и пошел к выходу, стараясь не оборачиваться на растерянную девчонку.

Глава 17

Ева

Обессиленно прислонилась к стене и сползла на пол, рыдавшая. Сидела на корточках, сотрясаясь всем телом. Беззвучные всхлипы прорвались сквозь преграду самоконтроля, превращаясь в настоящий вой. Никогда в жизни я не испытывала такого страха. Даже в тот раз, когда меня силой утащили для разговора с Адамом, я не боялась так сильно, как этой ночью.

До сих пор ощущала прикосновения его рук к своему телу, то, как он прижимался пахом, губами, зубами. И понимала, что чудом избежала самого жуткого, что могло случиться. Меня только что чуть не трахнул в рот совершенно незнакомый мужчина. И он явно дал понять, что обязательно это осуществит, как и многие другие вещи, о которых мне даже подумать страшно.

И что мне теперь делать? Смиренно ждать, когда он вернется с совершенно кошмарным договором и лишит меня невинности всякими извращенными способами? Нежности и ласки от этого монстра явно не стоит ждать. Разве так я планировала расстаться с невинностью? Почему я не сделала это несколькими неделями ранее, когда меня приглашал на свидание парень с четвертого курса. Почему не пригласила

его войти ко мне в квартиру, после того как он поцеловал меня на прощание? Ведь он мне нравился. Не так, как хотелось бы. Без бабочек в животе и дрожи от прикосновений. Но он симпатичен мне. И лучше первый раз с кем-то вроде него, чем с безжалостным монстром.

Как я смогу отдать свое тело в распоряжение чудовищу? Тому, к кому не испытываю совершенно никаких чувств, кроме страха и отвращения? Чем я думала, согласившись на любые его условия?

Меня трясло так, что даже зубы стучали. Я снова словила паническую атаку, только на этот раз никого не оказалось рядом, чтобы помочь мне выйти из этого жуткого состояния. Казалось, это никогда не закончится, и я вот так и умру на полу чужой квартиры, не освободив папу.

В какой-то момент я выбилась из сил и заснула, или просто потеряла сознание. Не сумела понять, что именно произошло. Но пришла в себя, услышав, как кто-то поднял меня на руки и положил на диван, накинув сверху плед. Вряд ли это вернулся Адам и в нем проснулась человечность и сострадание. Будь это он, то не упустил бы случая воспользоваться положением и показать свое превосходство, унизив меня в очередной раз.

Я боялась пошевелиться и выдать себя. Молча вслушивалась в звуки, стараясь понять происходящее. Кто-то ходил из стороны в сторону. Шуршали пакеты, стучала дверца холодильника, а затем все стихло.

Приоткрыла глаза, убеждаясь, что я в квартире одна. Медленно присела на диване, осматривая гостиную, начавшую меняться в предрассветном сером свете. Увидела кучу пакетов, стоящих возле дивана. Придвинулась по сидушке к ним, заглядывая в одну из хрустящих бумажных сумок. Внутри оказалась одежда. Достала свернутую белую ткань, обнаружив шелковый комплект из короткого пеньюара с кружевной вставкой и такого же халатика.

– Что за? – растерянно смотрела на вещи, пока не осознала их предназначение, и кинула обратно в упаковку.

Проверила все остальные пакеты, и во всех из них находилось лишь белье и сексуальная обувь. Десяток дорогих комплектов кружевного белья всех цветов радуги, прилегающие к ним подтяжки, чулки и туфли на шпильках. Еще несколько пеньюаров с халатами и развратные боди из прозрачного кружева со вставками из китового уса.

То есть это вот должно составлять мой гардероб? Или он хочет, чтобы я надевала это во время наших встреч?

Поморщившись, отпихнула ногой ворох проституточной униформы. Даже на мгновение не могла представить себя в этом, покорно ожидающую хозяина. Что там! Меня передергивало, стоило подумать, что когда-то предстану без одежды перед этим безжалостным человеком.

Поднялась на ноги, пройдя к холодильнику и радостно обнаружив, что он полностью забит едой. Доставая колбасу, сыр и багет, радовалась хотя бы тому, что никто не будет мо-

рить меня голодом, вынуждая заняться сексом.

Сделав бутерброд, не переставая думала, куда исчез Панкратов. Если это его квартира, то это означало, что он должен вернуться. Но судя по тому, как резко он ушел и с каким настроением, то до утра его ждать не следовало. Убрав за собой крошки и спрятав еду обратно в холодильник, выпила стакан воды и наконец-то двинулась в глубину квартиры на поиски спальни.

В квартире оказалось еще две комнаты: спальня и кабинет. Обследовать территорию не было никакого желания. Поэтому свернула в единственное помещение с кроватью и, наплевав на гигиену, так и легла в постель прямо в платье. Честно, я до дрожи боялась раздеться на территории Панкратова. Казалось, стоит мне лишь скинуть одежду, как он тут же появится в дверях и закончит начатое без всякого подписания бумаг. А ведь он мог взять меня силой. Что же его остановило?

С этими мыслями я и провалилась в тревожный сон, где снова и снова оказывалась на коленях перед страшным монстром без лица, пытающегося взять меня силой. А проснулась я от навязчивого ощущения, будто за мной наблюдают.

Приоткрыла глаза, вздрогнув. Прямо передо мной в кресле у не полностью зашторенного окна сидела мрачная фигура из моего кошмара. Дернулась, сев на постели и пытаюсь понять, явь ли это или до сих пор вижу жуткий сон.

– Ты всегда спишь в одежде? – хрипло спросил Панкратов,

наклоняясь вперед так, чтобы на его лицо упал луч света.

– Нет, – так же хрипло ответила я, чувствуя во рту выжженную пустыню.

– Думаешь, одежда сможет защитить тебя от меня?

– Нет, – отвечала, не понимая, чего именно он хочет.

Каждый мускул в теле напрягся при воспоминаниях о миновавшей ночи. Я приготовилась к тому, что он пришел завершить начатое. Но Адам не шевелился. Молча сверлил меня темными глазами, заставляя нервничать под его взглядом.

– Ты все еще думаешь, что сможешь уйти? – наконец-то произнес он.

– Нет, – обреченно ответила, ощущая, как безнадега цепкими пальцами схватила меня за горло.

– Пятнадцать минут тебе на душ. Я жду тебя в гостиной.

– Для чего? – в животе завязался тугой узел.

– Поедешь прощаться с папочкой, – ответил Панкратов, медленно поднимаясь с кресла и покидая комнату, оставляя меня один на один с полученной информацией.

Глава 18

Нервно причесывала подсушенные феном волосы. Слова Панкратова о том, что поеду прощаться с папой, крутились на повторе в голове. Что это значит – “прощаться”? Что он имел в виду? Не собирается же он так наказать меня за отказ, за то, что посмела выставить требования?

Меня снова трясло и лихорадило. Не могла попасть тушью по ресницам, и приходилось стирать черные мазки с кожи под глазами и с верхнего века.

Меньше двух недель знаю этого человека, который распоряжается моей жизнью, и уже превратилась в невротика. А что будет, когда я познакомлюсь с ним ближе? Мне нужно было знать, что на уме у Панкратова. Сказанное им не давало покоя, свербило в груди, заставляя покрываться липкой испариной. Я боялась за папу, боялась находиться в обществе того мужчины, что ждал меня в гостинной, боялась того, что он задумал.

Оделась во вчерашнюю одежду и вышла в гостиную. Панкратов ходил возле окна и разговаривал по телефону, засунув одну руку в карман брюк. Я замерла на месте, осторожно рассматривая его.

Прямая осанка, широкий разворот плеч, жесткий взгляд и властный тон. Он выглядел, как хозяин этого мира, завое-

ватель, тот, к чьим ногам ложатся крепости и города. Солнце подсвечивало его образ через панорамное окно, и на какой-то момент я забылась, залюбовавшись им, его статью и опасностью, исходящей от мужчины на километр. Но вот он заметил меня, указав подбородком на двери лифта, и морок спал. Я вспомнила, что его мне следует бояться, и я никак не могу восхищаться таким, как Панкратов. И быть всегда с ним настороже. Опустила взгляд, страшась встречаться с темно-кариими глазами.

– Прогибай его, Михалыч, – говорил в трубку, и мне становилось не по себе от его интонации. – Дави на семью. Да, да. Вряд ли он захочет, чтобы о ее предпочтениях узнали СМИ. У него не останется выбора, кроме как отдать завод по цене ниже рыночной. Работай, Лёха, – скинул вызов, когда мы вошли в кабину лифта.

Панкратов стоял напротив и беззастенчиво рассматривал меня. Я залилась краской, ощущая, как его взор путешествует по моему телу от макушки и до самых щиколоток. Кожа пылала под его взглядом, и, даже опустив голову вниз, я могла безошибочно указать ту часть тела, куда он смотрел в это мгновение. Находиться с ним в замкнутом пространстве было невыносимо. Мне хотелось вырваться на уличную прохладу и вдохнуть полной грудью.

– Куда мы едем? – не выдержав напряжения, спросила мужчину, рассматривая носки его начищенных до блеска коричневых туфель.

– К твоему отцу, – ответил он, все так же с интересом разглядывая меня.

– В изолятор? – удивленно вскинула на него взор. – Мне разрешили свидание?

Мужчина лишь вскинул бровь, игнорируя мой вопрос и продолжая блуждать по мне взглядом.

– Юристы подготовили договор, – заговорил он, переключая разговор на более интересную для него тему.

– Они что, у вас ночами работают? – взглянула в черные омуты и тут же стушевалась, не выдержав тяжелого взгляда.

– Тебе понравятся условия, – хмыкнул он.

Тяжело сглотнула, понимая, что больше не получится оттягивать неизбежное, и одна ночь на подготовку – это слишком мало.

– Когда я с ними ознакомлюсь?

– В машине, – держал руки в карманах брюк.

Лифт остановился, и двери разъехались в стороны. Адам кивнул мне на выход и, засунув руки в карманы брюк, последовал за мной. У лифта нас встретил его охранник, провожая до черного седана, и, открыв дверь, придержал ее для меня. Юркнув на кожаное сидение, уперлась взглядом в молочный подголовник перед собой. Слушала, как едва слышно защелкнулся замок моей дверцы и как отворилась вторая пассажирская дверь. Воздух в салоне авто стал гуще и наполнился древесно-перечным запахом с цитрусовой ноткой мужского парфюма. Нервно вдохнула, наполняя легкие этим

ароматом, подумав о том, что ему очень подходит этот запах. Резкий, горький.

Стоило ему сесть рядом, как мне стало сложно дышать. Я пыталась думать над тем, что будет дальше, но его близость сбивала с мыслей, путала их. У меня не получалось расслабиться, игнорируя присутствие мужчины. Ожидая от него, что он снова набросится на меня, как прошлой ночью, сидела вытянутая как струна и боялась пошевелиться.

Автомобиль вырулил с парковки, и дневной свет заполнил салон.

– Кир, – Панкратов окликнул своего охранника.

А в следующее мгновение мне на колени упала коричневая кожаная папка.

– Читай, – прозвучал приказ.

Дрожащими пальцами открыла мягкий переплет, внимательно читая строчку за строчкой. Сердце шумно колотилось о решетку ребер, заглушая все звуки вокруг. Я видела слова, пытаюсь вникнуть в их смысл, и читала их заново. И когда фразы выстроились в стройные ряды, сначала похолодела от ужаса, а затем рассмеялась в голос.

Увидела удивленные взгляды подручного Панкратого, брошенные на меня с переднего сидения, и взор водителя в зеркало заднего вида.

– Увидела что-то смешное? – спокойно спросил Адам.

– Это должно быть шутка, верно? Это не может быть настоящим договором?

Теперь смотрела прямо в темные, хищные глаза мужчины, дожидаясь подтверждения моей теории.

– Это настоящий, заверенный нотариусом договор, – перевел взгляд с меня на дорогу Панкратов. – Что-то не так?

– Как это вообще возможно, чтобы этот бред заверили нотариально? Это же фантазии озабоченного извращенца? – вспыхнула, как спичка.

– Нет, девочка, это твоя реальность. Подписывай! – приказал Панкратов.

Бросила взгляд на строчку с текстом:

Исполнитель обязуется выполнять любое желание заказчика.

Заказчик вправе выбрать любой инвентарь для исполнения своих пожеланий без согласия исполнителя.

– Я не буду это подписывать, – отпихнула от себя папку, чувствуя жжение в груди.

– Кажется, я не расслышал, – вкрадчиво произнес Адам, и у меня от его интонации кожа покрылась мурашками. – Ты что? – перевел на меня озверевший взор, и я инстинктивно вжалась от страха в дверь.

Похоже, я раздражила зверя.

Глава 19

– Повтори? – говорит спокойно, но потемневший взгляд не сочетается с этим невозмутимым тоном.

Я задержала дыхание, боясь сделать вздох, глядя на Панкратова.

– Я не соглашалась на сексуальные извращения, – пролепетала, понимая, что играю с огнем.

Перед глазами стояли все те жуткие пункты, от которых тело вначале кинуло в жар, а затем обдало ледяным холодом.

“Использование инвентаря” не самое мерзкое из того, что я увидела.

Исполнитель обязуется следить за своим здоровьем и пройти обследование у специалистов, выбранных заказчиком.

Исполнитель обязуется следить за контрацепцией. Неисполнение этого пункта обязывает исполнителя беспромедлительно устранить возможные последствия.

Исполнитель обязуется беспрекословно выполнять приказы заказчика.

Исполнитель обязуется в присутствии заказчика одеваться в предоставленную заказчиком униформу.

Исполнитель не имеет права задавать заказчику вопросы о его личной жизни.

Исполнитель обязуется принимать участие в любых дей-

ствиях и в любом составе, указанных заказчиком.

Исполнитель обязуется выполнять приказы заказчика в любом указанном заказчиком месте и любым указанным им способом.

Исполнитель обязуется следовать установленным заказчиком правилам.

И еще целый лист того, что я обязана буду делать. Обязанности Адама же оказались куда более скромными: обеспечить освобождение моих близких, обеспечить меня комфортными условиями проживания, пищей, “униформой”, одеждой, медицинским сопровождением и другим необходимым.

– Не соглашалась? – вопросительно приподнял бровь Адам. – Олег, – крикнул он водителю, и между передними и задним сиденьями поползла вверх черная перегородка, изолируя нас от водителя и охранника.

– Зачем это? – испугано кинула взгляд на выросшее стекло.

Присутствие других людей, пусть и прихвостней Панкратова, дарило ложное ощущение безопасности. А эта необходимость уединения пугала до чертиков. Что он собрался со мной сделать такого, что потребовалось отгородиться от своих людей?

Панкратов проигнорировал мой вопрос. В следующее мгновение, когда мы оказались полностью отделены от двух

других мужчин, он резко повернулся ко мне, схватив за горло и вдавливая спиной в дверь так, что ручка впилась мне в поясницу.

– Ты что думаешь? Будешь ломаться передо мной, капризничать, как долбаная принцесса, делать из меня лоха, а я стану молча хавать это говно? – шипел мне в лицо, испепеляя безумным взглядом. – Ты, сука, сама пришла ко мне за помощью, готовая на любые условия. Сама потребовала договор, хотя могла просто взять у меня в рот и подставить щель, и не было бы этого всратого договора. А теперь, блядь, будешь выёбываться?

Вжал пальцы мне в шею, так, что нечем стало дышать. Позвоночник покрылся ледяной испариной и в животе разверзлась пропасть. Я видела перед собой перекошенное злобой лицо мужчины, понимая, это конец. Сейчас он убьет меня. Здесь и сейчас закончится моя никчемная жизнь, а папа с Зайкой так и останутся гнить в плену.

Второй рукой собрал мне волосы на затылке и потянул их назад так, чтобы я не смела отводить взгляд в сторону. Боль пронзила скальп, но страх так крепко сковал меня, что я боялась даже дышать.

– Уже не хочешь спасти папочку? Передумала? За свою шкуру страшно стало? – выплевывал мне в лицо, а мне тошно стало от его грубых слов и отвратительной правды. Я действительно испугалась за себя.

– Так что? Струсила?

Во рту пересохло, а застрявшие в горле рыдания не позволяли произнести и звука.

– Отвечай! – сильнее потянул за волосы.

– Нет, – хрипло выдавила из себя.

Он надавил мне на голову, наклоня вниз так, что я нависла над договором, валяющимся в ногах.

– Подписывай, блядь. Или уебывай отсюда, забыв о какой-либо помощи, – продолжал удерживать за волосы, швырнув в меня ручкой так, что она больно отрикошетила от колен.

– Подписывай, – шипел мерзавец.

На бумагу с моих щек упало несколько капель. Судорожно хватаясь за металлическую ручку, поднесла ее к бумаге, но она тут же выпала из дрожащих пальцев.

– Отпустите, – жалобно скулила. – Я все подпишу.

– Так подписывай. Не хочешь понимать по-хорошему, будет так, как для тебя более доходчиво.

Наконец-то совладав с письменным прибором, перелистнула бумагу и поставила кривую подпись.

– Так-то лучше, – спокойно сказал Панкратов, отпуская меня.

Сделала шумный вдох, проталкивая чертов ком обратно в глотку и останавливая ненужные слезы. Отвернулась к окну, раскатывая во рту горечь от собственного поступка. Теперь я в полной власти этого чудовища, и он вправе начать пользоваться мной с момента подписания договора. И согласно

документу, он может взять меня здесь и сейчас, не поднимая перегородки. Глаза щипало. Хотелось удавиться только от одной мысли о подобном развитии событий. Одно успокаивало, согласно договору, он будет обязан вытащить папу и Настю на свободу.

Услышав шорох, украдкой посмотрела на мужчину, заметив, как он поставил размашистый автограф рядом с моей неказистой подписью. Вот и все. Теперь он тоже не сможет пойти на попятную. С этого момента я его рабыня, а он мой господин. Усмехнулась сложившейся ситуации. Разве о таком я мечтала для себя? Такой видела свою жизнь?

– Тебе полагается последняя встреча с отцом, – сухо произнес Адам, постучав в перегородку.

Стекло опустилось, и Панкратов передал папку своему охраннику.

– Что значит последняя? – сердце замерло, и кровь отхлынула от лица. – Вы же не?..

Не смогла произнести жуткую догадку, промелькнувшую у меня в голове.

– Не что? – окинул меня презрительным взглядом. – Не убью его? Договаривай. Чего заткнулась?

Но я не могла даже озвучить подобный ужас.

– Все в порядке будет с твоим папочкой, – хмыкнул он, и в его глазах я увидела столько отвращения, что вмиг ощутила себя грязной. – Скажешь, что возвращаешься на учебу. Когда приедешь в следующий раз, не знаешь.

– Он будет ждать меня на новый год, – ощутила тоску по прежней жизни, понимая, что теперь в ней не останется ничего из того, что я любила.

– До нового года ты мне успеешь надоесть. Но лучше пусть не ждет, – равнодушно добавил, смотря в окно.

Остаток пути мы ехали в полной тишине. Я проживала личный конец света, а он.. На него мне было плевать.

– Приехали. Твой выход, Голубка, – вырвал из размышлений голос моего хозяина.

Глава 20

Тусклая лампочка болталась под потолком. Стол, два стула, металлическая дверь и зеркало. Я словно попала на экраны телевизора в кадр какого-то фильма, где герой пришел навестить близкого в тюрьму. Не знаю, почему меня не повели в общую комнату для свиданий, а выделили допросную для встречи с отцом. Конечно, я все понимала. Его хотят уличить во лжи и осудить любым способом. Наверняка здесь писались все разговоры. Или же... Адам постарался, чтобы нам никто не мешал. Но ни один из вариантов не успокаивал. Происходящее пугало. Боялась человеческого коварства и того, что мог еще придумать Панкратов. Как ни странно, но теперь договор, подписанный в машине, успокаивал. Скоро папа будет на свободе. А мне осталось лишь отлично отыграть свою роль, и тогда с ним все будет в порядке.

Атмосфера в этом месте угнетала. Еще только выглянув из окна машины и увидев высокий забор с проволокой под напряжением, ощутила, как холод сковал тело, пробирая до самых костей. Но стоило войти внутрь, столкнуться с этими мрачными, суровыми людьми, чья жизнь состоит в том, чтобы следить за порядком среди преступников, как показалось, что и не я это прохожу по узким тоскливым коридорам из одного зарешеченного отсека в другой.

Дверь скрипнула, привлекая мое внимание, и я замер-

ла. Словно в замедленной съемке в комнате появился единственный мой близкий человек. Темно-серая форма в цвет синяков под глазами, щетина на впалых щеках и взгляд совершенно потускневший. Будто передо мной не Андрей Анисимов, мэр города и волевой человек, способный до последнего биться за справедливость, а совершенно чужой и незнакомый мне зэк. В груди кольнуло, и я сжала зубы, чтобы не завывать в голос.

При виде меня в папиных глазах промелькнули радость и смущение. Нелегко ему предстать передо мной в таком виде. Дождалась, пока с родителя снимут наручники.

– Десять минут, – пролаял охранник и вышел из камеры, запирая ее снаружи.

– Папа! – бросилась к отцу, не в состоянии сдержать горьких всхлипов.

– Курносик, не плачь, – прижал меня к груди папа, поцеловав в макушку. – Ну что ты так убиваешься, – слышала хриплый смех в его голосе и не понимала, откуда в нем столько сил и стойкости и как он может улыбаться после всего случившегося.

– Па-а-а-па-а-а! Как они могли? Как они могли? – спрятала лицо в его пропахшую казенными стенами куртку, не в силах остановиться.

– Не волнуйся, Солнышко! Все обязательно разрешится. И тут я заплакала еще сильнее, в очередной раз поражаюсь силе воли родителя. Как он сумел сохранить эту стойкую

веру в справедливость и светлое будущее? Или это только спектакль для меня? До сих пор боится ранить мои чувства, думает, я маленькая и ничего не понимаю в этой жизни. Поэтому я оказалась не готова к человеческой жестокости и коварству.

– Папа, – подняла на него заплаканное лицо. – Пап, скоро тебя выпустят, слышишь?

– Конечно, выпустят, Солнце, – ласково улыбнулся он, не поверив моим словам. – Как ты? Соскучился по тебе, курносик, – удерживал меня за плечи на вытянутых руках, окидывая взволнованным взглядом.

– А ты как думаешь? – не смогла изображать безмятежность.

– Похудела, – снова пробежался по мне взором.

– Ты тоже.

– Прости, дочь, что так получилось, – шумно втянул воздух.

– Тебе не за что извиняться, я знаю, ты ни при чем, – вытерла мокрые дорожки под глазами.

– И все же, я не должен был допустить, чтобы это произошло. Присядем? – кивнул на стул.

Усевшись, я смотрела на папу и не знала, с чего начать. Мне нужно попроситься. Но отчего-то казалось, что он моментально распознает ложь. Каждый день ему приходилось иметь дело с профессиональными лжецами, которых он мгновенно выводил на чистую воду. Разве он поверит в

мое вранье?

– Расскажи, Солнце. Как ты? – повторил свой вопрос.

– Все время плачу. Переживаю за тебя и Настю.

– Где она? – взгляд серых глаз стал непроницаемым.

Я лишь пожала плечами.

– Никто не знает.

– Ублюдки, – тихо выругался он.

– Она исчезла в тот же день, когда тебя арестовали, – печально проговорила.

– А ведь я решил вопрос с ее долгом, – потер переносицу. – Указали, сволочи, мое место, – видела, как заиграли его желваки, и, чтобы успокоить, положила ладонь поверх папиной.

– У меня не приняли заявление на пропажу.

– Не удивлен, – в отчаянии провел пальцами по волосам.

– Я не знаю, что мне делать, пап, – смотрела на него, ожидая получить руководство к действию.

Пусть все уже было решено, но мне так хотелось верить, что всесильный Андрей Анисимов найдет выход из любой ситуации.

– Возвращайся на учебу, Ева. Это единственное, что ты можешь сейчас сделать. И лучше тебе находиться вдали от этой грязи. А ее сейчас будет много.

– А как же ты? А Настя? – горло сжимали спазмы, но я держалась, не давая больше пролиться ни единой слезинке.

– У меня хороший адвокат. Он позаботится обо мне. И я

попрошу его позаботиться о твоей подруге.

– Но как я уеду? Это разве не бегство?

– Нет, курносик. Это жизнь, которую тебе предстоит прожить, а не хоронить себя вместе с моей свободой.

– Прости, папа, я не хотела. Мне так стыдно, – опустила взгляд к столу, закрыв лицо руками.

Я извинялась за то, что не пошла на встречу в Панкратовым в тот первый раз, и за то, что теперь не просто обратилась за помощью к его злейшему врагу, но и кинулась к нему в объятия.

– Прекрати, Ева. Тебе не должно быть стыдно за то, что ты свободна и твоя жизнь не стоит на месте. Все будет хорошо, – ободряюще сжал мои пальцы.

– Как я хочу, чтобы все стало, как и прежде, – смотрела на наши руки, не решаясь взглянуть в глаза папе.

– Не грусти так, дочь! Выйду на свободу, и все будет еще лучше, чем было.

Вот только папа не знал, что для меня уже ничего нельзя будет вернуть. Вряд ли я выйду прежней из своего рабства. Но вместо горьких слез я нашла в себе силы натянуть улыбку и сказать:

– Я верю! Все будет именно так!

Спустя отведенное нам время с тяжелым сердцем я прощалась с отцом. Но не оттого, что беспокоилась за него. Нет, теперь я знала, очень скоро он вернется домой. И это уже повод для радости. Причина моего волнения оставалась по-

прежнему в машине. Он разговаривал по телефону и, кажется, даже не обратил внимания на мое возвращение. Но стоило машине тронуться, как он скинул вызов.

– Как все прошло? – равнодушно спросил Адам.

– Как договаривались, – прижалась лбом к стеклу, с тоской провожая стены СИЗО.

Когда я теперь встречусь с папой? И смогу ли после всего, на что я согласилась, посмотреть ему в глаза?

– Умница, – прозвучало как оскорбление, но оно не тронуло меня.

После встречи с отцом на душе осталась выжженная пустыня. Я ощущала себя настолько опустошенной, что стало совершенно плевать, какие слова вырываются изо рта монстра, сидящего рядом.

– Куда мы? – спросила единственное, на что хватило сил.

– Скреплять нашу сделку, – услышала усмешку.

Вот и все, Ева. Сегодня ты станешь шлюхой.

Глава 21

Остаток пути мы не разговаривали. Адам решал какие-то вопросы по телефону, в смысл которых я не вникала, да и не хотела мараться еще больше в его грязи. Для меня достаточным оказалось того, что происходило между нами, и того, о чем я догадывалась. Остальное пусть останется при нем. Узнаю больше, потону в отвращении к себе за то, что связалась с таким омерзительным человеком.

После встречи с папой я больше не тряслась, как мышь перед удавом. Сутки, что я провела в качестве его рабыни, помогли мне свыкнуться с выделенной для меня ролью. Нет, я по-прежнему не хотела близости и боялась ее. Но не собиралась впадать в истерику и пытаться защищать свою честь до последнего. Я продала ее. Теперь имеется официальное подтверждение этому на бумаге. А разговор с родителем помог убедиться в правильности сделанного выбора. Не место папе среди тюремных стен. Вот чего я по-настоящему опасалась, это того, что если он проведет там достаточно длительный срок, то изменится до неузнаваемости и я навсегда потеряю своего любимого папу. Этого нельзя допустить. Должно остаться в этой жизни что-то светлое, постоянное, нерушимое. Так пусть мой отец останется таким, каким его знала мама и каким его боготворила я.

– Проголодалась? – спросил мужчина, не глядя на меня, когда машина свернула на подземную парковку жилого комплекса.

– Нет, – ответила сухо.

Меньше всего я сейчас думала о еде. Совсем скоро я распрощаюсь с невинностью, как можно думать о чем-то другом? Тем более о пище. Меня и без того вывернет наизнанку, стоит ему прикоснуться ко мне.

– Хорошо, – равнодушно согласился. – Сейчас не хотелось бы терять время, – закрыл крышку ноутбука и передал ноутбук на переднее сидение своему помощнику как раз в тот момент, когда автомобиль затормозил.

Водитель вышел из салона, открывая для меня дверь. Только почувствовав под ногами твердую почву, ощутила напряжение в теле. Суставы не шевелились. И вся казалась какой-то каменной. Мне в позвоночник будто кол вбили. Шла к лифту неестественной походкой. Остановилась у кабины, судорожно вдыхая, подавляя накатывающее волнение. Адам подошел сзади. Ощущала его близость каждой клеточкой тела. Затылок пекло, и жар спускался ниже по спине, задерживаясь на ягодицах. Я чувствовала его взгляд физически, будто это не глаза исследуют меня, а руки. Даже пальто не могло защитить от пронизательного взора.

Наконец-то двери лифта открылись, и я вошла в кабину, прижимаясь спиной к зеркалу. Щеки пылали. Смотрела, как напротив меня остановились начищенные дорогие черные

туфли. В отличие от меня, фигура мужчины расслаблена, и он не скрывал своего интереса, рассматривая меня, как новую игрушку.

Весь путь до пентхауса я боялась встретиться с ним взглядом, так и стояла, упершись взором в пол и носы мужских туфель. Как только лифт подал сигнал о прибытии, волнение ледяными нитями проникло мне под кожу. Оно дотронулось до сердца, спускаясь ниже, сковывая нутро и выковыривая в животе холодную бездну. Снова этот страх. Чертов неконтролируемый ужас. Но я больше не покажу ему своей слабости, нет. Я привыкла платить по счетам. А это... это моя оплата. Осталось убедить себя в этом.

– Выходи, – услышала властный приказ.

Повинуясь, покинула лифт, ступая в свою клетку. Адам шел следом. Я контролировала каждый шаг и движение, потому что он смотрел. И это внимание вызывало противоречивые эмоции. Мне важно выглядеть достойно и хорошо, но в то же время плевать на его мнение. Прошла в гостиную, не зная, как теперь должна себя вести.

– Сними пальто, – приказал Адам, словно отвечая на мой мысленный вопрос.

Развязала поясок, убирая указанный предмет и осторожно положив на диван. Обхватила себя за плечи, ощутив легкую дрожь.

– Пройди к окну, – в голосе сталь. Он точно знал, чего хочет, и намерен получить это.

Не оборачиваясь на мужчину, прошла через всю комнату, останавливаясь у панорамного окна. Постаралась сосредоточиться на шикарном виде на город, но все чувства оказались сосредоточены на происходящем позади меня. Прислушивалась к звукам и ощущениям, стараясь понять, чем занят Адам и каков будет его следующий шаг.

– Сними платье, – голос по-прежнему раздавался где-то позади.

Значит, он не подошел близко и не набросится на меня в следующее мгновение.

Но, даже осознавая это, замерла как изваяние, не решаясь выполнить сказанное. Стояла, боясь сделать вдох. Головой понимала, что больше не могу оттягивать этот момент, но в груди все еще теплилась надежда избежать неминуемой участи.

– Сними платье, Ева, – повторил он.

На этот раз голос послышался ближе. Не хотела, чтобы он подходил. Боялась, что он сам сдернет с меня одежду, поэтому решила сделать это самостоятельно. Перекинула волосы через плечо и потянулась руками назад к молнии, стараясь нащупать собачку.

Услышала приближающиеся шаги и замерла.

– Я помогу, – прозвучал за спиной хриплый голос.

Убрала руки, дожидаясь его прикосновения, но его не последовало. Молния поползла вниз, а я так и не ощутила мужских касаний. Чувствовала тяжелый взгляд, скользящий по

оголившемуся участку кожи, чувствовала его дыхание у себя на шее и задержала дыхание, подрагивая от волнения.

– Сама, – говорил властно откуда-то из глубины комнаты. Он снова отошел назад? Не решилась обернуться.

Перекрестив руки на груди, дотронулась до плеч, спуская платье по рукам вниз до тех пор, пока оно не сползло черной лужицей к моим ногам.

– Перешагни через него, – продолжал наставлять меня Панкратов.

Сделала как велено, обхватывая себя за плечи. Ни перед кем из мужчин я не стояла в одном нижнем белье, чулках и туфлях. Раздетая, спиной к опасному мужчине, к человеку, разрушающему нашу с папой жизнь, ощущала себя особенно уязвимой. Кожа покрывалась мурашками под пристальным взглядом, указывая мне ту часть тела, которую он одаривал вниманием.

Адам медлил, не давая других указаний. А я нервничала из-за этой заминки. Хотелось уже закончить чертову экзекуцию, сделать все быстро, так же, как срывать пластырь. Проскочить этот момент, а потом анализировать случившееся, оставшись один на один со своими переживаниями.

– Сними лифчик, – наконец-то заговорил он.

Завела руки за спину, расстегивая крючки и робко скидывая бюстгальтер к ногам.

За окном кипела жизнь, люди куда-то спешили, гнали машины, но я не видела этой суеты, я смотрела на свое отра-

жение в стекле, не узнавая эту распущенную девушку, так бесстыдно раздевающуюся перед малознакомым мужчиной. Не успела прикрыть руками грудь, как услышала следующий приказ:

– Трусики. Избавься от них.

Трясущимися пальцами стягивала по бедрам последний кусок ткани, отделявший меня от окончательного падения. Чем ниже опускались трусики по моим ногам, тем скованнее становились мои движения.

В голове пульсировало лишь то, что он видит не только мои обнаженные ягодицы, но и то, что у меня между ног, когда я наклоняюсь.

Лицо пылало от стыда. Быстро сбросив белье, одной рукой закрыла грудь, а второй треугольник между ног.

– Повернись! – голос как удар хлыста.

Судорожно вдыхая, медленно повернулась к мужчине, разглядывая рисунок на мраморной плитке на полу.

– Убери руки. Дай посмотреть, что я приобрел, – показалось, будто он насмехается надо мной.

Медленно отвела руки в стороны. Черные глаза обжигали кожу, лаская грудь, живот и добравшись до развилки между ног. Я не могла выдержать этого унижения, этого позора, снова закрылась.

– Руки! – рявкнул так, что я вздрогнула, снова открываясь для него.

Какого-то черта ничего не происходило. Он просто рас-

смастривал меня и ничего не делал. Почему?

Нижняя губа задрожала. Это настолько унижительно, что я не знала, как буду жить дальше после подобного позора, но я тут же взяла себя в руки, шумно втянув воздух и позволяя ему заниматься тем, чем он хочет. В конце концов, лучше пусть просто смотрит. Взгляды возможно выдержать, а прикосновения... Прикосновения навсегда останутся выжженными на коже, и я никогда не смогу их смыть с себя.

Я не знала, нравилось ли Панкратову то, что он видел, не знала, жалел ли он о сделке. Но то, что он не пытался до меня дотронуться, говорило громче любых слов. Это означало, что я не возбуждаю его. И подобное развитие событий вполне ожидаемо. Он видел женщин красивее, страстнее, которые могли себя правильно подать, возбудить в мужчине желание, а не зажимались, стараясь спрятаться от его внимания, и не тряслись как кролики перед хищником. Глаза щипало. Ненавидела его за устроенную пытку. Уже решила, что дальше дело не пойдет, когда Адам оглушил следующим приказом:

– А теперь опустишься на четвереньки, Ева.

– Что? – вскинула на него растерянный взор, но встретила лишь беспроглядную бездну в его глазах, на дне которой притаились демоны.

– Встань на четвереньки и ползи ко мне. Самое время активировать условия договора.

Глава 22

Сердце стучало как отбойный молоток. Казалось, что по венам течёт огонь. Он не мог на полном серьезе хотеть этого? Или мог? Смотрела в его напряженное лицо и не нашла там и намёка на шутку. Подонок действительно хотел, чтобы я опустилась на четвереньки.

– 3-з-ачем? – зубы стучали.

Пусть думает, что я полная идиотка, но, боже! Разве я могу не просто пасть на колени перед этим монстром, но еще и стоять на четырех костях, как какая-то псина?

– Время вопросов закончилось, Ева! – прогремел на всю гостиную его голос. – Опустись на пол и ползи ко мне.

В голосе столько власти, что невозможно не подчиниться. Он меня пугает, и я боюсь его грубости. Лучше добровольно. Лучше самой.

“Ты сама пришла к нему. Сама согласилась на все. Сама попросила договор”, – мысленно напомнила себе, медленно опускаясь на колени.

Твердая холодная плитка давит коленные чашечки. Опускаю ладони на прохладную поверхность, такую же холодную, как душа человека напротив. Смотрю куда угодно, только не на него. Не могу его видеть.

– Смотри на меня! – звучит очередной приказ, и я против

воли поднимаю на него глаза.

Двигаюсь навстречу неизбежности, своей каре, наказанию. Встречаюсь с горящим темным взглядом, не сочетающимся с его расслабленной фигурой. Стоит посреди комнаты, засунув руки в карманы брюк, и ждет, когда его рабыня выполнит желания хозяина. Чувствую, как прохладный воздух дотрагивается до раскрывшейся промежности, и краснею, представляя, как это развратно выглядит его глазами. Внезапно дыхание учащается, и сложившаяся ситуация начинает меня волновать.

Его взгляд глубокий и тягучий, как чашка растопленного шоколада, он утягивал, овладевал моим вниманием и, казалось, пытался поработить мои мысли. От этого человека волнами исходили сила и власть, он привык подавлять людей, управлять ими, а теперь старался подчинить мою волю.

Доползла до Адама, останавливаясь в нескольких десятках сантиметрах от безупречных туфель.

– Ближе, – голос пробирался под кожу, затрагивая неведомые струны в моей душе, пуская дрожь по телу.

Придвинулась, оставаясь на четвереньках, ощущая, как он ощупывает взглядом мою спину и ягодицы, радуясь тому, что нахожусь лицом к нему и Панкратов не может заглянуть мне между ног.

– Сядь на ноги, – очередная команда.

“Будто собачку дрессирует”, – пронеслось в мыслях, но я сделала как он сказал.

Села на пятки, смотря прямо на его пах. Смутившись, опустила взгляд ниже, рассматривая безупречные стрелки на серой ткани. Обида и унижение никуда не исчезли. И вот теперь с новой силой напомнили о себе.

– Подними глаза на меня, – подняла лицо вверх, посмотрев на него сквозь пелену слез.

Провел подушечками пальцев от моего лба через скулы к губам, коснувшись большим пальцем нижней губы и растирая ее. Повел пальцем вверх, задирая верхнюю губу и дотрагиваясь до зубов.

– Соси! – уперся в преграду.

Тяжело сглотнув, осторожно расслабила челюсти, пропуская мужской палец в рот.

– Соси! – осторожно обхватила губами подушечку, коснувшись ее языком.

Что я творю? В голове не укладывалось, что это я, голая, на коленях, перед чужим мужчиной, держу его палец во рту. Влага совсем заволокла зрение, и я позволила Адаму протолкнуть подушечку глубже мне в рот.

– Давай! Покажи, как ты умеешь.

Проблема в том, что я совсем не умела этого. Медленно двигала ртом по его коже, поглаживая языком. Панкратов начал ритмично двигать рукой, имитируя минет. Пусть я никогда этого не делала, но я же не в монастыре жила. Я слушала рассказы подруг, читала книги и иногда смотрела порно, лаская себя между ног. Стоило получить разрядку, как я вы-

ключала видео, стораая со стыда и подтирая историю поиска в браузере, а наутро стеснялась сознаться сама себе во временном помутнении и давала обещания, что никогда больше этого не повторится.

Вспоминая все то, что видела на экране монитора, и то, как в романах описывался этот процесс, начала облизывать палец и посасывать. Прикрыла глаза, ощущая то, насколько бесстыдно это делаю и как развратно выгляжу.

Ощутила прикосновение к груди. Распахнула глаза, всматриваясь в черную бездну. Радужка Панкратова слилась со зрачком, делая его еще сильнее похожим на дьявола. Он провел подушечкой пальца по стянутому в горошину соску, ущипнув его. Из меня непроизвольно вырвался стон. Чем больше Адам крутил и щипал сосок, тем жарче становилось. К собственному стыду понимала, меня заводят эти прикосновения. Внизу живота тяжелело, а между ног наливалось. Хотела, чтобы делал все то же со второй грудью, и тут же мысленно надавала себе оплеух. Мне не должно нравиться ничего из происходящего. Он – враг, бандит и подонок. Я только должна отработать папину свободу, и будет предательством папы и самой себе получить удовольствие в руках врага.

Внезапно он вытащил палец у меня изо рта, вытирая его о мои губы и щеки, в очередной раз окуная меня в грязь и напоминая о своей сущности.

– Расстегни ремень, – убрал от меня руки, взирая свысока.

Я знала, что все вело именно к этому. Но волнение новой волной захлестнуло меня. Дрожащими руками обхватила пряжку, расстегивая, и замерла, не решаясь коснуться ширилки.

– Продолжай! Или я каждый шаг тебе должен объяснять! – начинал злиться Панкратов. – Если я сам это сделаю, то тебе не понравится, – уже рычал мужчина.

Освободила пуговицу и следом за ней опустила собачку на ширилке, уткнувшись взором в белую резинку боксеров. При свете дня эрекция, торчащая из-под белья, казалась устрашающе огромной. Во рту мгновенно пересохло.

– Снимай, – слышала в голосе Адама, что его терпение на пределе.

Обхватив пояс брюк вместе с резинкой мужской трусов, спустила одежду вниз. Сразу же на меня выпрыгнул огромный толстый член. Отшатнулась, но сильная рука схватила меня за волосы и вернула лицо обратно.

– Что? Не нравится? Видела лучше? – обхватил ладонью основание увитого голубыми венами ствола и прижал лиловую блестящую головку с маленькой дырочкой по центру, где выступила прозрачная капля, к моим губам.

– Сука! Так и знал, что ты не стоишь всего этого! И пусть твой мэр гниет в тюрьме.

Последние слова, как пощечины и ледяной душ вместе взятые, привели в чувство. Открыла рот, дотрагиваясь гладкой головки и коснувшись языком блестящей капли.

Глава 23

Рот заполнил солоноватый вкус. Провела языком по головке, растерявшись. Из головы вылетели те развратные картины из видео, и описания этого действия в романах напрочь забылись. Остались только мужчина, доминирующий надо мной своей силой и властью, и я, уязвимая и потерянная, с насильно воткнутым в рот детородным органом. Адам не дал мне времени на размышления, толкнулся бедрами вперед, проталкиваясь членом между губ, и зашипел, когда по его плоти проехали зубы.

– Без зубов! – прорычал, сильнее стягивая мои волосы на макушке.

Раскрыла шире рот, пропуская толстый ствол до упора.

– Вот так, – ослабил хватку на волосах и замер.

Член уперся мне в гортань, заполнив собой абсолютно все, не давая дышать. Казалось, что я задыхаюсь. На глазах выступили слезы. Пыталась втянуть воздух носом, но не выходило. Тогда Адам отодвинулся, вынимая член изо рта.

– Теперь сама, – приказывал он, но руку с моей головы не убрал.

В ушах звенели его злые слова о том, что ему не нужно было связываться со мной и оставить папу за решеткой. И это послужило каким-то толчком, спусковым механизмом к тому, чтобы не просто вытерпеть эту пытку, но и, пересилив

себя, доставить этому чудовищу удовольствие.

Посмотрела на торчащий кверху орган, длинный и толстый, не понимая, как смогу это обслужить, и стараясь долго не рассматривать, зажмурилась и обхватила его у основания. Боже, как эта штуковина поместилась у меня во рту, если я не смогла даже пальцы сомкнуть вокруг. Кожа нежная, горячая, совсем не такая, какой я себе ее представляла. Когда держала его во рту, не успела понять, как он ощущается, какой у него вкус. Все внимание сосредоточила на самом факте происходящего. Я делаю минет. Позже, наверное, я приду от этого в ужас, но сейчас нужно сделать все, лишь бы это закончилось как можно быстрее.

– Глаза открыты, – не позволял мне даже мысленно отстраниться от происходящего.

Распахнула веки и, не дожидаясь, когда он снова попытается вырвать мне волосы, поцеловала головку. Высунула язык и обвела вокруг маленькой дырочки. Не ощутив отращения, ввела орган в рот, сначала лишь кончик. Вспоминая все виденное раньше в фильмах для взрослых, облизала, провела языком по крайней плоти, пропуская его дальше по языку в рот. Адам издал звук похожий на стон. Решив, что это звуковая иллюзия, подняла глаза вверх, столкнувшись с каким-то диким взглядом.

– Та-а-ак, – приглушенно проговорил мужчина.

Тогда я начала вбирать его в рот, пока он снова не уперся мне в горло, перекрывая кислород. Жар в глазах мужчины

действовал гипнотически. Стоило мне выпустить член изо рта и снова погрузить его обратно, как его глаза воспламенялись. Грудь тяжело вздымалась, и он казался в эти мгновения каким-то живым и человеческим. Под его тяжелым взором двигалась вдоль ствола и ощущала, что именно в этот момент имею над ним какую-то особую власть.

– Языком. Больше языка, – прохрипел он, не разрывая зрительного контакта со мной и держа за голову, чтобы не вздумала взбрыкнуть.

Послушавшись, принялась шевелить языком, облизывать выступающие венки, пропускать внутрь до упора и обратно. Дыхание Адама участилось, наверное, ему даже нравилось. И вскоре поймала себя на том, что возбуждаюсь от этой ситуации. Мне не нравилось ублажать постороннего, совершенно неприятного мне человека, не нравились унижения, не нравилось быть игрушкой, но моей плоти оказалось плевать на ущемленное самолюбие и гордость. Низ живота потяжелел и наливался жаром, а между ног все горело и зудело, требуя разрядки.

К собственному ужасу, процесс не только возбуждал, но, кажется, и начал доставлять удовольствие. Я сосала и вылизывала ствол, издавая какие-то пошлые звуки.

– Ласкай себя, – хриплый голос вырвал меня из порочного забытья.

Непонимающе смотрела на мужчину.

– Запусти руку себе между ног и ласкай себя, – не просил,

приказывал Панкратов.

В этот раз я не стала сопротивляться, на самом деле желая получить эту чертову разрядку. Накрыла рукой изнашиваемую плоть. Пальцы утонули в соках. Не помнила, чтобы когда-либо оказывалась такой возбужденной. Нащупав набухший клитор, начала массировать его круговыми движениями и распалять себя еще сильнее. По мере того, как ближе подбиралась к долгожданному освобождению, активнее я обсасывала мужское достоинство.

В какой-то момент Адам остановил меня, удерживая голову на месте, и, убрав мою ладонь с основания его члена, начал долбиться мне в рот сам, до упора. До брызгающих из глаз слез и рвотных позывов.

– Дыши носом! – командовал он и с каким-то остервенением трахал меня.

В это мгновение я полностью забыла о каком-то там удовольствии и возбуждении. Вцепившись руками ему в бедра, хотела оттолкнуть его от себя или хотя бы замедлить его движения, чтобы не задохнуться. Но Панкратов удерживал меня стальным захватом, жестко и больно тараня мое горло. Слезы умывали лицо, смешавшись со слюнями, бегущими изо рта. Грудь разрывало от досады и боли, но мужчине, получившему свою оплату, плевать на мои чувства. Он привык брать и потакать своим желаниям. И я теперь вынуждена мириться с его аппетитами. Пусть морально я и готовилась, что все это будет грязно и жестоко, но все же реальность превзо-

шла все ожидания. Он брал меня как резиновую куклу, наплевав на мои чувства.

Ощутила, как член у меня во рту будто увеличился в размерах, и в следующее мгновение в горло выстрелила горячая струя. Адам практически вжал меня лицом в свой лобок, удерживая на месте, заставив проглотить терпкую, солонувато-сладкую сперму.

Как только он кончил, отпустил меня и вынул ствол из моего рта. Я жадно глотнула воздух, не смотря на него. На голые колени капали слезы, а под ребрами замерла истерика, дожидаясь своего часа. Нужно только выдержать, только дождаться, когда он оставит меня одну.

Комнату оглушил звонок телефона. Не сказав ни слова, Панкратов ответил на входящий, одновременно пряча в бокасы член и застегивая брюки.

– Да. Не помешал. Готовь документы. Еду, – ответил он собеседнику в трубку.

Сбросил вызов и, будто вспомнив, что в комнате есть еще кто-то, кроме него, посмотрел на мою скрюченную фигуру.

– За тобой заедут, чтобы привела себя в порядок. Не люблю волосы на теле у женщин, – сказал с таким пренебрежением, что мне захотелось провалиться сквозь все этажи небоскреба прямо под сырую землю. – И, – напряглась от чертова “и”, – в следующий раз я хочу чувствовать отдачу. Мне не нравится трахать манекен. Знал бы, не связался с тобой. И никаких слез. Ненавижу эти ваши бабские сопли.

В очередной раз окатил ушатом помоев и покинул квартиру, позволив мне утонуть в накатившей истерике.

Глава 24

Адам

Вышел из пентхауса еще более взвинченный, чем до того как вошел туда. И вроде пар спустил, вот только мелкая сука окончательно вывела меня из себя. Думал, спущу ей в рот, легче станет. Перестану думать о ней. Сразу превратится в одну из безликой массы ей подобных. Нет же. Эта дрянь еще больше вывела меня из себя.

Слезы эти, сопротивление, неприкрытое отвращение в глазах. Блядь, еще и кожу стесал о ее зубы. Сука! Строит из себя оскорбленную невинность, всячески демонстрирует, насколько я ей противен. Сама пришла, сама подписала все то дерьмо, что перечислил в этом гребаном договоре. Юристы постарались, включили в него все, что только можно, перестраховались, чтобы у дочки мэра и в мыслях не было сопротивляться хоть чему-то. Надоели мне эти блядские качели и спектакль с трясущимися губами и мокрыми глазами. Сука, считает себя голубых кровей.

Сам не понимал, нахрена ввязался в это мозгоебство. Мне что, трахаться не с кем? Секса в моей жизни в избытке и в любом количестве. Сам не понимал, зачем она мне сдалась. С папашей ее я уже расквитался, но девка по-прежнему ма-

нила. Пусть и получил ее в личное пользование, но не ощущал удовлетворения. Все эти игры с принуждением мне на хер не сдались. Привык, что телки текли от одного моего голоса и всегда были готовы на все, о чем попрошу. А эта... Эта смотрела на меня как на слизняка и при этом тряслась как кролик, пробуждая во мне то, что дремало где-то в глубине и просыпалось, только тогда когда в бизнесе требовались жесткие меры, карательные.

Стоило подумать об этой заразе, как снова ощутил то чертово непонятное чувство, съедающее меня с того самого момента, как увидел ее впервые, и крепнущее с каждой новой встречей. Первоначальная похоть переросла в нечто неконтролируемое. Желание просто трахнуть чистенькую дочку мэра трансформировалось в навязчивую идею обладать не только ее телом, но и сука, блядь, увидеть в ней взаимное влечение. Не привык я, чтобы меня отталкивали. Хотя не было такой, что не пошла бы со мной добровольно. Вон и подруга ее готова была ноги передо мной раздвинуть. А эта? Считает себя лучше других? Хотя видел я отчет о ее студенчестве. То с одним, то с другим таскается по кафешкам, кино и концертам, а со мной ее трясет от отвращения.

Сука! Сцепил зубы до хруста, стараясь выкинуть девчонку из головы. Хорошо, звонок вовремя остановил меня. Иначе я бы разорвал ее на части, выбивая эмоцию, отличную от тех, что видел.

Стоило вспомнить, как она сосала, и член тут же налился

ся кровью. Блядь. Зубы, сука, и слезы! Теперь это сочетание вызвало нездоровую реакцию. Не нравилось мне, как она действовала на меня. Сучка пробиралась куда-то под кожу, вызывая зуд и дискомфорт. Нутро твердило – нужно от нее избавляться, она принесет лишь проблемы. Но перед взором стоял этот открытый взгляд чистых серых глаз, губки, что так охуенно смотрелись вокруг моего стояка, и вся кровь устремилась в пах. Не мог ни о чем думать, лишь представлял, как буду вонзаться в ее сочное тело. Какое у нее тело! Когда она разделась, думал, спущу в штаны как подросток, от одного вида. Хотел сминать упругие сиськи и выбивать стоны, вкочлачиваясь между длинных ног.

Да. Все верно. Нужно просто ее трахнуть, и тогда наваждение спадет. Но почему-то эта мысль не успокаивала. Кажалось, что только попробую, как окончательно подсяду на эту мнимую чистоту. Голубка, блядь.

Машина затормозила на территории заброшенного сахарного завода. Дверь открылась, и ко мне сел в машину помощник.

– Здорово, – сунул папку мне в руки Витёк.

– Подписал?

– Все подписал, как миленький, – довольно хмыкнул старый товарищ.

– Наследили? – пролистывал бумаги, проверяя подписи.

– Обижаешь, Панкрат. Безупречная работа, – довольно улыбался.

– Камеры?

– Все чисто, говорю же. Хочешь с ним пообщаться? – спросил Витя.

– Ты и без меня отлично справился, – хмыкнул.

– То ли были времена, – с тоской протянул Витек.

Детство наше прошло на одном дворе. Витька жил на одной площадке с нами и был старше меня на пять лет. Меня, задиристого, драчливого пацана, быстро прибрали в свою компашку парни постарше для выполнения мелких поручений. Однажды вытащил наших пацанов из засады, собственноручно вырубив парочку залетных. После этого меня стали считать за равного. Постепенно я обретал славу самого свирепого и бесчувственного. Нырял всегда без страха в любое пекло и устраивал противнику настоящий ад. Меня боялись, меня уважали, и, пользуясь своей силой и авторитетом, строил свою империю. Много крови на моих руках, и жизни не хватит, чтобы ее отмыть. Я не жалел о прошлом и кайфовал от настоящего. И чтобы взобраться туда, где находился теперь, пришлось освоить более тонкие игры. Выйти на новый уровень и при этом быть готовым ко всему

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.